



РОМАНОВЫ

*Семейные тайны
русских императоров*

Вольдемар Николаевич Балязин

Романовы. Семейные тайны русских императоров

Текст предоставлен издательством «Олма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173260

*Романовы. Семейные тайны русских императоров: Олма Медиа Групп;
М.: 2008*

ISBN 978-5-373-00280-6

Аннотация

304 года правила Россией династия Романовых. За это время возникло одно из самых сильных и могущественных государств мира – Российская Империя. Великой Империя была не только своей территорией и природным потенциалом, но прежде всего духовной мощью, высочайшей культурой и замечательным взлетом научной мысли. Огромный вклад в создание этой уникальной цивилизации внесли представители рода Романовых: не только те из них, кто занимал российский престол, но и все их многочисленные родственники – каждый на своем месте, в своей области. Но династия эта хранила и множество тайн. Некоторые никогда не будут раскрыты, а над некоторыми историки постепенно приоткрывают завесу. Неравные браки, внебрачные дети, загадочные смерти, тонкости престолонаследия – великое множество памятных, блестящих,

грозных и грустных страниц, читать которые всегда чрезвычайно интересно.

Содержание

Предисловие	6
Происхождение рода и фамилии Романовых	20
Второй брак царя Алексея и рождение Петра	23
Жизнь Петра до вступления на царский престол	38
Петр-самодержец	46
Начало «генерального романа» Петра I	56
Первый брачный союз Романовых с	58
Курляндскими герцогами Кеттлерами	
Прутский поход	66
Детство и юность царевича Алексея	72
Сватовство и женитьба Алексея на Софье-	79
Шарлотте	
Жизнь и смерть Софьи-Шарлотты в	82
Петербурге	
Переписка отца и сына и ее последствия	89
Странствия царевича Алексея и охота на него	93
Судьба Екатерины Ивановны и Карла-	98
Леопольда Мекленбург-Шверинского	
Облава на царевича	105
Царевич Алексей и его сообщники	110
Жизнь Екатерины Ивановны в Мекленбурге и	126
возвращение в Россию	
Помолвка Анны Петровны и Карла-Фридриха	133

Болезнь и смерть императора Петра I	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Вольдемар Балязин Романовы. Семейные тайны русских императоров

Предисловие

Брачные союзы между представителями правящей российской династии Романовых и немецкими династиями из Германии и Австрии существуют почти три столетия.

Если восстановить хронологию брачных союзов между Романовыми и членами немецких династий, то перед нами предстанет интересная и пестрая картина.

Первый брак состоялся в 1710 году между племянницей Петра I – Анной Ивановной, которая была дочерью его старшего брата Ивана Алексеевича, и герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом, из династии Кеттлеров.

Через 290 лет с того времени, как Анна Ивановна стала женой герцога Курляндии Фридриха-Вильгельма Кеттлера, мужчины и женщины из российского дома Романовых, уцелевшие после большевистских расстрелов кровавого 1918 года, живут и сегодня в разных странах мира, в ряде случаев продолжая традиционные матримониальные связи дома Романовых с немецкими династиями.

Так, например, Великая княжна Кира Кирилловна в 1938 году в Потсдаме вышла замуж за принца Луи-Фердинанда Прусского, а в 1976 году, в Соединенных Штатах Америки, Великая княжна Мария Владимировна стала женой еще одного Прусского принца – Франца-Вильгельма.

Случаев, подобных этим, гораздо больше, и Вы, уважаемые читатели, узнаете о них, прочитав эту книгу.

Вторым таким браком стал недолгий и несчастливый союз между наследником русского престола царевичем Алексеем Петровичем – сыном Петра I, – и герцогиней Брауншвейг-Вольфенбюттельской Софьей-Шарлоттой.

Третий брак был заключен в 1716 году, когда другая дочь Ивана Алексеевича, Екатерина, была выдана замуж за Карла-Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского.

Четвертый брачный союз состоялся в 1725 году между дочерью Петра I Анной Петровной и герцогом Шлезвиг-Гольштейн-Готторпским – Карлом-Фридрихом.

В пятый раз Романовы породнились с одним из немецких владетельных домов в 1739 году, когда Анна Леопольдовна – внучка Ивана Алексеевича, дочь его дочери Екатерины, – была выдана за Антона-Ульриха, герцога Брауншвейг-Люненбургского.

Следующий, шестой, брак состоялся в 1743 году. Тогда стали мужем и женой внук Петра I – сын его дочери Анны, – Карл Петр Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский, и принцесса Софья Анхальт-Цербстская. Когда Петр Ульрих прие-

хал в Россию, он принял крещение по православному обряду и стал Великим князем Петром Федоровичем, а его жена, также приняв православие, стала Великой княгиней Екатериной Алексеевной.

Потом Петр Федорович наследовал русский трон, воцарившись под именем императора Петра III, а когда на престол взошла его жена, то она стала императрицей Екатериной II, еще при жизни называемой Екатериной Великой.

Именно с этого времени российская императорская династия стала называться династией Романовых-Гольштейн-Готторпов.

Правда, для всего мира правящая Россией императорская семья оставалась домом Романовых, но дотошные и скрупулезные генеалоги и педантичные университетские профессора стали называть династию «Гольштейн-Готторпы-Романовы».

Однако это название осталось достоянием лишь небольшой группы историков-формалистов, а в общественной жизни, в политике и публицистике российская императорская династия сохранила имя Романовых.

Сын Петра III и Екатерины II взошел на трон в 1796 году. Когда было ему 19 лет и он был еще наследником престола, в 1773 году Павел стал мужем цесаревны Гессен-Дармштадтской Вильгельмины. Их брак был недолгим, потому что жена Павла умерла родами, и он в 1776 году женился на другой немецкой герцогине – Софии Доротее Августе Луизе Вюр-

тембергской, ставшей в России императрицей Марией Федоровной.

Две женитьбы Павла Петровича были седьмым и восьмым случаями в длинной матримониальной цепи бракосочетаний представителей династии Романовых с отпрысками немецких владетельных домов.

Императрица Мария Федоровна подарила своему мужу десять детей – четырех мальчиков и шестерых девочек. Лишь одна из ее дочерей – Ольга – умерла во младенчестве, остальные же девять человек дожили до брачного возраста и стали мужьями и женами, либо, оставаясь в России, либо уезжая в другие государства.

Причем следует особо отметить это обстоятельство: все дочери и сыновья императора Павла выходили замуж или женились только на особах немецких владетельных домов.

Первый такой брак (9-й в истории дома Романовых) был заключен в 1793 году между старшим сыном императора Павла, Великим князем Александром, будущим императором Александром I, и герцогиней Баден-Баденской Луизой, в России ставшей императрицей Елизаветой Алексеевной.

Второй брак (10-й в истории дома Романовых) состоялся в 1796 году, когда второй сын Павла, Великий князь Константин Павлович женился на герцогине Юлиане Саксен-Кобургской, в православном крещении получившей имя Анны Федоровны.

Третий брак (11-й в истории дома Романовых) произо-

шел в 1799 году, когда старшая дочь Павла, Великая княгиня Александра Павловна стала женой австрийского эрцгерцога Иосифа из династии Габсбургов, сына Франца II, последнего императора Священной Римской империи.

Четвертый брак (12-й в истории дома Романовых) был заключен в том же году между Великой княжной Еленой Павловной и герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом Людвигом.

Пятый брак (13-й в истории дома Романовых) состоялся в 1804 году между Великой княжной Марией Павловной и Великим герцогом Саксен-Веймарским Карлом-Фридрихом.

Шестой брак (14-й в истории дома Романовых) произошел между Великой княжной Екатериной Павловной и Георгом Петром, герцогом Ольденбургским, в 1809 году.

Георг Петр в 1812 году умер, и Екатерина Павловна после четырех лет вдовства вышла замуж вторично, став в 1816 году королевой Вюртембергской. Этот брак в истории династии Романовых был 15-м. На сей раз с Романовыми породнился король Вюртемберга Фридрих-Вильгельм.

В тот же год еще одна дочь императора Павла – Великая княжна Анна – стала королевой Нидерландов, выйдя замуж за Вильгельма II из немецкой династии Нассау. Брак Анны был, таким образом, 16-м, когда Романовы породнились с еще одной немецкой династией.

Семнадцатый раз в истории дома Романовых игралась свадьба Великого князя Николая Павловича – будущего им-

ператора Николая I, – а среди детей Павла был этот российско-немецкий брак девятым. Женой Великого князя Николая стала Прусская принцесса Фридерика-Луиза-Шарлотта. Случилось это в 1817 году.

И, наконец, самый младший из детей Павла – Великий князь Михаил венчался в 1824 году с принцессой Каролиной Вюртембергской, ставшей в России Великой княжной Еленой Павловной. Среди детей Павла свадьба эта была десятой, а в истории дома Романовых – восемнадцатой.

Жена Николая I – Фридерика-Луиза-Шарлотта, став российской Великой княжной, была наречена Александрой Федоровной. Она родила царю семерых детей – четырех мальчиков и трех девочек. И все они продолжили традиционную брачную политику Романовых – брать в Петербург и отдавать из Петербурга невест только из немецких земель и только в немецкие земли.

Первой из детей Николая II и Александры Федоровны вышла замуж их старшая дочь – Великая княжна Мария. Ее мужем стал герцог Лейхтенбергский Максимилиан. Свадьба состоялась в 1839 году.

Продолжая счет, заметим, что эта русско-немецкая свадьба была в истории дома Романовых девятнадцатой. Заметим также, что в царской семье Мария Николаевна была вторым ребенком. Старше ее был первенец – Великий князь Александр – наследник престола и будущий император Александр II. Он был на год старше Марии, но его брак

состоялся двумя годами позже.

Это произошло в 1841 году, а его избранницей стала герцогиня Мария Гессен-Дармштадтская (полное имя невесты Великого князя Александра Николаевича звучало так: Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Софи-Мари).

Переменив конфессию и став православной, она оставила одно из своих прежних имен и стала называться Марией Федоровной, обретя, по русскому обычаю, отчество «Федоровна». Имя «Мария» было общим христианским именем, равно почитаемым и в католических, и в православных, и в протестантских странах.

Супружество Александра Николаевича и Марии Федоровны в истории брачных союзов Романовых с владетельными немецкими домами было двадцатым.

Следующий брак был заключен в 1844 году между Великой княжной Александрой Николаевной и ландграфом Гессен-Кассельским Фридрихом-Вильгельмом. Это был двадцать первый брак.

Двадцать второй раз подобное всем предыдущим бракосочетание состоялось в 1846 году, когда Великая княжна Ольга Николаевна вышла замуж за короля Вюртемберга Фридриха-Карла.

В двадцать третий раз Романовы породнились с владетельным немецким домом в 1848 году. Тогда Великий князь Константин Николаевич взял себе в жены Саксен-Альтенбургскую герцогиню Александру. Александра при переходе

в православие сохранила свое прежнее имя, добавив к нему отчество «Иосифовна».

Также поступила через восемь лет, в 1856 году, еще одна немецкая герцогиня – Александра Ольденбургская, сохранив при православном крещении свое прежнее имя, но добавив отчество «Петровна», когда стала она женой Великого князя Николая Николаевича. Их брак в цепи матримониальных союзов Романовых с немцами был двадцать четвертым.

И, наконец, самый младший сын императора Николая I – Великий князь Михаил Николаевич – женился на герцогине Цецилии Баден-Баденской в 1857 году. Его жена после свадьбы стала носить имя Ольги Федоровны.

Их свадьба была двадцать пятой.

У императора Александра II и его жены Марии Александровны было десять детей. Двое из них скончались в детстве, а еще один – Алексей, – хотя и дожил до 58 лет, но женат не был. Семь остальных царских отпрысков женились или вышли замуж за членов немецких династий.

То обстоятельство, что три российских императрицы, – жены Павла I, Николая I и Александра II, происходившие из Вюртемберга, Пруссии и Гессена, стали матерями двадцати семи детей, позволило острякам-недоброжелателям, отмечавшим высокие стати и незаурядную плодовитость августейших матрон, назвать Северо-Восточную Германию «племенной колонией дома Романовых».

В 1866 году наследник престола, Великий князь Алек-

сандр Александрович, – будущий император Александр III, взял себе в жены датскую принцессу Дагмару, происходившую из немецкой династии Шлезвиг-Гольштейн-Сёндербург-Глюксбургов. (В Дании династия называлась «Глюксборги», но ее представители правили в Норвегии и в Греции.) Если же быть точным, то полное имя датской принцессы было – Мари-Софи-Фредерика-Дагмар, в обиходе – Дагмар. Из всех четырех имен, наверное, выбрали самое красивое, потому что «Дагмар» означает «Утренняя звезда» и аналогично имени древнеримской богини утренней зари – Авроры.

Приняв православие, принцесса Дагмара стала носить имя Марии Федоровны. Этот брак в системе отношений «Романовы – немецкие династии» был двадцать шестым. Брат царя – Великий князь Владимир Александрович – сыграл двадцать седьмую свадьбу в 1874 году, женившись на герцогине Марии Мекленбург-Шверинской. И эта Мария охранила свое имя, добавив отчество «Павловна». Но произошло это лишь в 1908 году, когда она добровольно, по убеждению, перешла в православие.

Следующая, двадцать восьмая свадьба, состоялась в том же, 1874 году, между Великой княжной Марией Александровной и герцогом Саксен-Кобург-Готским Альфредом-Эрнестом-Альбертом, который был сыном королевы Великобритании Виктории и имел еще и титул герцога Эдинбургского, графа Кентского и Ульстерского.

Двадцать девятый раз игралась свадьба между Романовыми и одним из немецких владетельных домов – династией великих герцогов Мекленбург-Шверинских – в 1879 году, когда за сына главы этого дома – Великого герцога Фридриха-Франца – выходила замуж Анастасия Михайловна – великая княжна, племянница императора Александра II.

Тридцатая свадьба была сыграна в 1884 году, когда брат императора Александра II Великий князь Сергей Александрович женился на герцогине Елизавете Гессенской. И в этом случае новая Великая княгиня осталась Елизаветой, получив отчество «Федоровна».

В этом же, 1884 году, состоялась и тридцать первая свадьба, когда Великий князь Константин Константинович, племянник Александра II, женился на герцогине Елизавете Саксен-Альтенбургской. Она, принимая православие, тоже сохранила свое родовое имя, по отчеству став «Маврикиевной».

Через пять лет после этого, в 1889 году, самый младший сын Александра II – Великий князь Павел – привел в дом Романовых немецкую принцессу в тридцать второй раз. Это была представительница династии Глюксбургов. Однако ей не нужно было менять конфессию, ибо она была православной – дочерью короля Греции Георгиоса I. И хотя звали ее Александрой Георгиевной, по крови она была немкой, ибо, как вам, уважаемый читатель, уже известно, Грецией с 1863 года правили короли из династии Шлезвиг-Гольштейн-Сён-

дерборг-Глюксбургов.

Ближайшими родственниками императора Александра III оставались его собственные дети, которых было шесть – (взрослых, достигших брачного возраста – пять, двое сыновей и трое дочерей), и семь его братьев и сестер с их потомством.

Выше, уважаемый читатель, вы только что познакомились с семьей супружескими парами, образованными братьями, сестрами, племянником и племянницей Александра III, а почти каждая эта пара оставила сыновей и дочерей, которые чаще всего останавливали свои взоры на немецких принцах и принцессах.

Какими же были браки этих персон?

Старший сын Александра III – наследник престола, Великий князь Николай, будущий русский император Николай II – в 1894 году женился на герцогине Гессенской Алисе – родной сестре Елизаветы Федоровны – жены великого князя Сергея Александровича. (Полное родовое имя последней русской императрицы до того, как она приняла православие, было: Виктория-Аликс-Хелена-Луиза-Беактрис, но из всех этих элементов в России избрали один из них – Аликс, да и то изменив его на «Алису».)

Алиса, приняв православие, стала носить имя Александры Федоровны. Их свадьба была тридцать третьей.

Тридцать четвертый брачный союз был заключен в 1901 году. Тогда дочь императора Александра III, Великая княж-

на Ольга вышла замуж за Петра – князя Ольденбургского.

Тридцать пятую свадьбу играли в 1902 году, когда Великая княжна Елена Владимировна стала женой Великого князя Греческого Николая, из все той же династии Глюксбургов.

Тридцать шестую свадьбу играли в 1905 году, когда Великий князь Кирилл Владимирович женился на дочери герцога Саксен-Кобург-Готского Альфреда – герцогине Виктории. О ее отце – Альфреде-Эрнсте-Альберте – сыне королевы Великобритании Виктории, здесь уже говорилось, когда шла речь о двадцать девятой свадьбе.

Следующий брак – тридцать седьмой – был заключен в 1908 году между Великой княжной Марией Павловной и герцогом Зюдерманландским Вильгельмом. И хотя герцог был родом из Швеции, династия все же была немецкой.

Этим тридцать седьмым браком исчерпывается число брачных союзов Российского императорского дома с немецкими владетельными домами с 1711 до 1908 года. Разумеется, и после 1908 года, и до него в доме Романовых заключались и другие браки – не с немецкими династиями, а с представителями иных знатных фамилий, но, во-первых, их было очень немного, а во-вторых, они были на обочине главной матримониальной дороги, по которой два века шел Российский императорский дом.

17 июля 1918 года последний русский император Николай II был убит большевиками вместе со своей женой и пятью детьми – четырьмя девочками и тринадцатилетним сыном.

Вместе с этим убийством закончилась история династии Романовых на земле России, хотя весь 1918 год большевики продолжали охоту за членами этой семьи и до января 1919 года расстреляли и замучили до смерти семнадцать человек: мужчин, женщин, девушек и подростков.

Однако гораздо больше Романовых осталось в живых, как тех, кто еще до революции жил за границей – в других монархических семьях, так и тех, кому посчастливилось уехать или убежать за границу.

Среди последних была и вдова Александра III – мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, за которой был послан английский военный корабль, и она забрала с собою и множество своих родственников.

Находясь в изгнании, Романовы продолжали заключать браки с представителями других династий – в том числе и немецких, однако это уже совсем другая история, и, наверное, следует ограничиться сказанным.

* * *

Брачные союзы, заключавшиеся между представителями дома Романовых, – практически династией Романовых-Гольштейн-Готторпов – и династиями многих других владетельных немецких домов, возникали в большинстве случаев по политическим соображениям. И потому автору было необходимо уделять преимущественное внимание

разным аспектам русско-немецкой истории, которые имели прямое отношение к главным сюжетам.

В ряде случаев было необходимо знакомить читателей с не знакомыми немецким читателям эпизодами российской истории, которые, как представляется автору, будут просто интересными для тех, кому эта книга предназначена.

Немецкому читателю следует иметь в виду, что все даты в этой книге приводятся по старому русскому календарю, действовавшему с 1700 до 1918 года. Особенностью этого календаря было то, что он «отставал» от европейского (юлианского) календаря в XVIII веке на 11 дней, в XIX – на 12 и в XX (до 1918 года) – на 13.

Так как эта книга охватывает как раз означенный выше эпизод и все документы российской истории помечены датами существовавшего тогда календаря, то и автор обязан был придерживаться данного принципа.

Таковы, вкратце, некоторые предварительные замечания, которые автор считает необходимым предпослать этой книге.

Происхождение рода и фамилии Романовых

История рода Романовых документально воспроизводится с середины XIV века, с боярина великого князя московского Симеона Гордого – Андрея Ивановича Кобылы, игравшего, как и многие бояре в средневековом Московском государстве, значительную роль в государственном управлении.

У Кобылы было пятеро сыновей, младший из которых, Федор Андреевич, носил прозвище «Кошка».

По мнению русских историков, «Кобыла», «Кошка» и многие другие русские фамилии, в том числе и знатные, происходили от прозвищ, возникавших стихийно, под влиянием различных случайных ассоциаций, которые трудно, а чаще всего невозможно реконструировать.

Федор Кошка, в свою очередь, служил великому князю московскому Дмитрию Донскому, который, выступая в 1380 году в знаменитый победоносный поход против татар на Куликово поле, оставил Кошку править вместо себя Москвой: «Блюсти град Москву и охранять великую княгиню и все семейство его».

Потомки Федора Кошки занимали прочное положение при Московском дворе и часто роднились с членами правившей тогда в России династии Рюриковичей.

По именам мужчин из рода Федора Кошки, фактически по отчеству, назывались нисходящие ветви семьи. Поэтому потомки носили разные фамилии, пока наконец один из них – боярин Роман Юрьевич Захарьин – не занял столь важного положения, что всех его потомков стали называть Романовыми.

А после того, как дочь Романа Юрьевича – Анастасия – стала женой царя Ивана Грозного, фамилия «Романовы» стала неизменной для всех членов этого рода, сыгравшего выдающуюся роль в истории России и многих других стран.

В 1598 году династия Рюриковичей прекратила свое существование – умер, не оставив потомков, последний из династии царь Федор Иванович. После долгих лет Смуты в 1613 году был созван Земский собор для избрания нового царя.

Им был избран Михаил Романов, ставший основателем новой династии, правившей Россией три столетия – до марта 1917 года.

От Михаила Романова в 1645 году трон перешел к его сыну – Алексею Михайловичу, который был отцом шестнадцати детей. Тринадцать из них родила его первая жена – Мария Милославская, троих – вторая жена, Наталья Нарышкина.

Так как последующее повествование не может обойтись без ряда подробностей, которые необходимы для того, чтобы стало ясно, когда и почему династия Романовых встала на путь заключения множества брачных союзов с немецкими

владельцами домами, то уже царствование Алексея Михайловича будет освещено с учетом этого обстоятельства.

Ключевым моментом в истории, связанной со многими последующими событиями, является вторая женитьба Алексея Михайловича на Наталье Нарышкиной. И именно с нее мы и начнем следующую главу.

Второй брак царя Алексея и рождение Петра

От первого брака, с Марией Милославской, у Алексея Михайловича было тринадцать детей – восемь девочек и пятеро мальчиков. Трое из них – царевна Софья и царики Федор и Иван – сыграют определенную роль в истории России и поэтому пройдут и по страницам этой книги, остальные же будут оставлены без внимания.

Царица Мария, прожив с Алексеем Михайловичем двадцать лет, умерла 3 марта 1669 года, когда ее мужу было сорок лет. К этому времени он уже прослыл человеком весьма неординарным, во многом отличавшимся от своих предшественников. При нем в Москве появился первый театр, был построен первый военный корабль – «Орел», созданы «полки нового строя» – прообраз будущей регулярной армии, увеличилось число школ и мануфактур.

Все эти нововведения происходили не без помощи западных купцов, мастеров, мануфактуристов, инженеров, аптекарей, врачей, офицеров, живших в Москве в иноземных слободах, более всего – в Немецкой слободе на берегу Яузы.

Иноземный быт с его опрятностью, комфортом, картинами и зеркалами, часами и обоями, заморскими яствами и механическими музыкальными шкатулками, оказался при-

влекательным и для русских дьяков и купцов, имевших дело с иноземцами в Москве либо бывавших за границей. И они постепенно стали вводить в домашний обиход наиболее привлекательные элементы западноевропейского быта.

Алексей Михайлович, предпочитавший за столом умную беседу традиционным возлияниям, пробовавший писать стихи, интересовавшийся архитектурой и живописью, быстро почувствовал вкус к иноземным новациям и не чурался общества московских «западников» – русских людей, считавших образцом для России порядки и обычаи Запада.

Случилось так, что ближе прочих стал Алексею Михайловичу тихий скромник и неумолимый труженик Артамон Сергеевич Матвеев, стоявший тогда во главе Малороссийского приказа, управлявшего делами восточной части Украины, принадлежавшей России.

Он был женат на Евдокии Петровне Гамильтон, происходившей из знатного шотландского рода, переселившегося в Россию при Иване Грозном. (Впоследствии фамилия «Гамильтон» в России трансформировалась в «Хомутовых».)

В какой-то мере благодаря своей жене, а гораздо более из-за собственных склонностей и европейской образованности, Матвеев часто приглашал к себе иностранцев, да и его служба в Посольском приказе весьма к тому располагала. Дом Матвеева казался островком Немецкой слободы, переместившимся из-за реки Яузы, где жили немцы, в Китай-город: комнаты убраны венецианскими зеркалами и картина-

ми западных мастеров, а сложности его часов, изысканности посуды и богатству библиотеки дивились самые бывалые из иностранцев.

Алексей Михайлович гораздо чаще, чем прежде, стал навещать Матвеева, чем приводил в недоумение многих своих знатных сородичей, заставляя их теряться в догадках по поводу столь малопонятной привязанности.

Его визиты еще более участились после кончины Марии Ильиничны.

Несколько месяцев сорокалетний вдовец, тяжело переживавший смерть любимой жены, постился, пребывая в глубоком трауре, подолгу молился за упокой души рабы Божией Марии, но как-то однажды снова заехал к Матвееву и обратил внимание на прекрасную молодую девушку, так же, как когда-то и его покойная жена, жившую «на хлебах», то есть на иждивении, из милости, у своего богатого родственника. Ее звали Натальей Кирилловной, ей было двадцать лет, и так же, как и первый тесть царя Илья Данилович Милославский, отец девушки принадлежал к бедным дворянам. Однако благодаря протекции Матвеева, ее отец Кирилл Полиевктович стал полковником стрелецкого полка в бытность Артамона Сергеевича головой московских стрельцов. Наталья Нарышкина к тому же доводилась дальней родственницей жене Матвеева и поэтому была взята в дом Артамона Сергеевича, когда ее отец был еще беден и жил в деревне под Тарусой.

Наталья Кирилловна, красивая, достаточно образованная и хорошо воспитанная, к тому же обладавшая прекрасным характером, чуть ли не с первой встречи покорила сердце сорокалетнего вдовца, и он вскоре решил взять ее в жены.

Однако, желая соблюсти приличия и обычаи старины, царь, объявив осенью 1669 года о своем намерении жениться, имени невесты не назвал, а для пущего сокрытия тайны велел начинать сбор невест для царских смотрин. На сей раз смотр продолжался семь месяцев – с конца ноября 1669 до мая 1670 года.

Пересмотрев сотни претенденток, царь остался верен первоначальному выбору, и 22 января 1671 года состоялось венчание Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны.

* * *

...Через семь месяцев после этого, в ночь с 28 на 29 августа, московский звездочет и астролог, монах Симеон Полоцкий заметил недалеко от планеты Марс новую, не виданную им дотоле звезду. Симеон был первым в России придворным стихотворцем и главным воспитателем детей Алексея Михайловича. Кроме того, был Симеон и одним из авторитетнейших богословов, чьи книги признавались иерархами православной церкви «жезлом из чистого серебра Божия Слова и от Священных Писаний сооруженных».

Симеон имел свободный доступ к царю и на следующее

утро после того, как увидел он сие небесное знамение, явился к Алексею Михайловичу, чтобы не только сообщить ему об увиденном минувшей ночью, но и истолковать свой сон как некое предзнаменование.

Берея на себя изрядную смелость, звездочет объявил царю, что его молодая жена зачала в эту ночь сына-первенца, и, стало быть, мальчик родится 30 мая 1672 года, а по принятому тогда летоисчислению – в 7180 году от сотворения мира. Но Симеон не ограничился этим, а высказал и некое пророчество о царевице: «Он будет знаменит на весь мир и заслужит такую славу, какой не имел никто из русских царей. Он будет великим воином и победит многих врагов. Он будет встречать сопротивление своих подданных и в борьбе с ними укротит много беспорядков и смут. Искореня злодеев, он будет поощрять и любить трудолюбивых, сохранит веру и совершит много других славных дел, о чем непреложно свидетельствуют и что совершенно точно предзнаменуют и предсказывают небесные светила. Все это я видел, как в зеркале, и представляю все сие письменно».

С этой минуты осторожный и, несмотря на образованность, все же суеверный и подозрительный Алексей Михайлович приставил к дому ученого монаха караул и снял его только тогда, когда совершенно убедился, что его жена действительно забеременела.

28 мая у царицы начались предродовые схватки, и Алексей Михайлович призвал Симеона к себе. Меж тем роды бы-

ли очень трудными, и молодую царицу даже причастили, полагая, что она может в одночасье и помереть. Однако Полоцкий уверил царя, что все окончится благополучно и что через двое суток у него родится сын, которого следует наречь Петром.

Все так и произошло. Некоторые современники добавля-
ют, что это же, наблюдая за звездным небом, предрекали и европейские астрологи.

А вот что писал историк, академик М. П. Погодин о том, как происходили роды: «При начале родильных скорбей Симеон Полоцкий пришел во дворец и сказал, что царица будет мучиться трое суток. Он остался в покоях с царем Алексеем Михайловичем. Они плакали вместе и молились. Царица изнемогала так, что на третий день сочли нужным приобщить ее святых тайн; но Симеон Полоцкий ободрил всех, сказав, что она родит благополучно через пять часов. Когда наступил пятый час, он пал на колени и начал молиться о том, чтоб царица помучилась еще час. Царь с гневом рек: „Что вредно просишь?“ – „Если царевич родится в первом получасе, – отвечал Симеон, – то веку его будет 50 лет, а если во втором, то доживет до 70“.

И в ту же минуту принесли царю известие, что царица разрешилась от бремени, и Бог дал ему сына...»

Это случилось в Кремлевском дворце, 30 мая 1672 года, в день поминовения преподобного Исаакия Далматского, в четверг, «в отдачу часов ночных», то есть перед рассветом.

Ребенок был длиною в одиннадцать, а шириною в три вершка, т. е. длиной в 50 и шириной в 14 сантиметров. Младенца крестили в кремлевском Чудовом монастыре, в храме Чуда Михаила Архангела, где до него были крещены царь Федор, отец Петра – царь Алексей Михайлович, а после Петра – в 1818 году – здесь же крестили и царя-освободителя Александра II.

* * *

Мальчик рос и воспитывался так же, как в свое время росли и воспитывались его сводные братья, по матери – Милославские.

До семи лет он находился под опекой мамок и нянек, а после этого перешел в мужские руки. Его первыми воспитателями стали «дядька» – боярин Родион Матвеевич Стрешнев и стольник Тимофей Борисович Юшков. Среди воспитателей Петра был и другой Стрешнев – Тихон Никитич, которого молва называла подлинным отцом царевича Петра. Этот слух распускала старшая сестра Петра – Софья Алексеевна, дочь Алексея Михайловича от первого брака, бывшая всего на шесть лет младше своей мачехи – Натальи Нарышкиной – и очень ее не любившая.

Что же касается династических событий, произошедших в детстве Петра, то следует особо отметить неожиданную смерть Алексея Михайловича, наступившую 29 января 1676

года и повлекшую за собою опалу Нарышкиных – престол унаследовал Федор Алексеевич, сын покойной Марии Ильиничны Милославской.

Однако царствование Федора Алексеевича оказалось недолгим: он умер бездетным 27 апреля 1682 года.

Смерть Федора еще более обострила борьбу многочисленного клана Милославских с Нарышкиными, не утихавшую со дня кончины Алексея Михайловича. Но и на этот раз трон остался за Милославскими – умершему Федору наследовала его старшая сестра Софья, так как сыновья Алексея Михайловича – Иван и Петр – были еще юны. Петру было десять лет, а Иван, хотя ему и шел шестнадцатый год, по здоровью недалеко ушел от вечно болевшего при жизни Федора, а по уму сильно ему уступал. Оставались только дочери.

«В тереме царя Алексея, – писал историк И. Е. Забелин, – было шесть девиц, уже возрастных, стало быть, способных придавать своему терему разумное и почтительное значение. В год смерти их брата, царя Федора, старшей царевне Евдокии было уже 32 года, младшей Феодосии 19 лет... Третьей царевне Софье было около 25 лет... Все такие лета, которые полны юношеской жизни, юношеской жажды. Естественно было встретить в эти лета и юношескую отвагу, готовность вырваться из клетки на свободу, если не полную готовность, то неудержимую мечту о том, что жизнь на воле была бы лучше монастырской жизни в тереме». Добавим, что все шесть сестер были обречены на вечную полумонашескую жизнь, и

это придавало им дополнительную энергию и смелость. При чем эта смелость проявилась уже в дни болезни царя Федора, когда Софья вышла из терема и круглые сутки проводила у постели умирающего брата, что превращало ее поступок в подвиг благочестия и милосердия. Таким поступком, который Софья к тому же усиленно демонстрировала, она сумела завоевать изрядную популярность среди придворных.

У постели умирающего брата Софья познакомилась, а затем и быстро сблизилась со знаменитым полководцем князем Василием Голицыным – первым «западником», как называли его впоследствии русские историки. Голицын говорил на латыни, на древнегреческом, немецком и польском языках и был весьма популярен среди иностранцев, живших в Москве.

Сразу после смерти Федора Алексеевича царем был избран десятилетний Петр, Софья, однако, стоявшая во главе клана Милославских, решила принять меры, чтобы к власти не пришли Нарышкины и их сторонники.

Опираясь на московских стрельцов, многочисленные клевреты Софьи подняли открытый бунт против Нарышкиных, потребовав удаления их из Кремля. Это произошло 15 мая 1682 года. В этот же день стрельцам выдан был брат Натальи Кирилловны Иван, изрубленный мятежниками на части, а его голова была вздета на копье. Вслед за тем стрельцы потребовали пострижения в монастырь отца Натальи Кирилловны и ссылки всего рода Нарышкиных. Был убит и сто-

ронник Нарышкиных князь Михаил Юрьевич Долгоруков, и ближайшие сподвижники Алексея Михайловича Языковы и Лихачевы. Был убит и Артамон Матвеев, незадолго перед тем вернувшийся из ссылки в Москву для подавления мятежа.

Эти убийства и зверства произошли на глазах юного Петра. Он был настолько напуган и потрясен увиденным, что с ним случился первый эпилептический припадок. Впоследствии такие припадки, называемые тогда «падучей болезнью», периодически случались у Петра до конца жизни. На всю жизнь сохранил он и ненависть к бунтовщикам и в дальнейшем не однажды беспощадно карал мятежников.

Получив около трехсот тысяч рублей и имущество побитых ими бояр, стрельцы послали начальника князя Ивана Андреевича Хованского потребовать воцарения и старшего брата – Ивана Алексеевича, объявив его первым царем, а Петра – вторым.

К середине лета правительство Софии из-за своеволия стрельцов потеряло контроль над столицей, и потому 13 июля двор во главе с цесаревной покинул Москву и переместился в хорошо укрепленный Троице-Сергиев монастырь, расположенный в 75 километрах к северо-востоку от Москвы. Правда, вскоре все они вернулись в Москву, но ненадолго, и в августе снова направились в Троицу.

В то время как Софья маневрировала подобным образом, власть над стрельцами захватил начальник Стрелецкого при-

каза князь Иван Андреевич Хованский, в майских событиях энергично отстаивавший интересы своих подчиненных. Стрельцы намерены были посадить Хованского на престол, но Хованский проявил нерешительность, чем тут же воспользовалась Софья. Она собрала к Троицкому монастырю дворянское ополчение, вызвала Хованского с сыном Андреем на встречу с боярами – членами Боярской думы, в которую входил и Хованский, – и когда отец и сын приехали, велела схватить и казнить их обоих без суда, обвинив в государственной измене. Заговор был обезглавлен, и стрельцы покорились воле правительницы.

Во всех этих делах главные роли сыграли сторонники Софьи и ее фавориты – один в настоящем, князь Василий Голицын, а второй в будущем – новый начальник московских стрельцов Федор Шакловитый.

Возвратившись в Москву, Софья стала участвовать во всех дворцовых и церковных церемониалах наравне с царями Иваном и Петром. Она приказала чеканить золотые монеты с ее портретом, стала надевать царскую корону и давала официальные аудиенции иноземным послам в Золотой палате Московского Кремля.

После подавления «хованщины» Голицын стал фактическим главой русского правительства и сферой своей деятельности избрал реформу военного дела и вооруженных сил и формирование внешнеполитического курса России.

В военной сфере его усилия были направлены на то, чтобы

заменить стрелецкое войско и дворянское ополчение хорошо обученной, профессиональной регулярной армией. В области внешней политики он стремился заключить союз с западными странами и обратить оружие против Крыма и Турции.

В первом начинании Голицын не добился особых успехов – он лишь начал преобразования в армии, правда, сильно их продвинув, зато во втором – одержал победу. Вершиной его дипломатической деятельности стало подписание договора о «Вечном мире» с Польшей 21 апреля 1686 года.

Отныне российские государи официально писались в международных документах «Всея Великия и Малыя и Бelyя России самодержцы». С этого же момента и имя Софьи писали в царском титуле на всех документах.

Подписание «Вечного мира» сильно укрепило авторитет Голицына. Иностранцы, посещавшие Посольский приказ, писали, что российское дипломатическое ведомство занимает четыре огромных каменных здания с множеством просторных и высоких зал, убранных на европейский манер.

Сам Голицын поражал их необычайной роскошью своей одежды, сплошь усыпанной алмазами, сапфирами, рубинами и жемчугом. Говорили, что у Голицына не менее ста шуб и кафтанов, на которых каждая пуговица стоит от 300 до 700 рублей, а если бы канцлер продал один свой кафтан, то на эти деньги мог бы одеть и вооружить целый полк.

Конечно же, вся эта роскошь не обошлась без благосклон-

ного внимания к своему любимцу Софьи Алексеевны.

Французский эmissар Невилль писал о князе Голицыне: «Разговаривая со мною по-латыни о делах европейских и о революции в Англии, министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшей ласковостью, что я могу и не пить их. Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он любит беседовать с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями тех, кого считает заслуживающими их».

Повернув острие русского меча на юг – против Крыма и Турции, Голицын вскоре вынужден был взяться и за его рукоять. В начале 1687 года Боярская дума «приговорила: быть князю Василию большим воеводой и Крым зносити», а летом Голицын встал во главе стотысячной армии и двинулся в поход. Однако засуха, жара, отравленные колодцы и конская бескормица не позволили Голицыну дойти до Крыма, и он предпочел возвратиться с половины пути.

Сделав серьезные выводы из постигшей его неудачи, Голицын сразу же по возвращении в Москву стал готовиться ко второму походу на Крым, который был объявлен 18 сентября 1688 года, но начался 17 марта следующего года, ибо подготовка к нему была основательной и серьезной. В походе

участвовало 80 тысяч солдат и рейтар и 32 тысячи стрельцов – уже и по этим цифрам видно, как далеко зашла реформа Голицына, потому что солдаты и рейтары обучались военному строю по-европейски, а стрельцы больше напоминали ополченцев.

Огромная армия медленно ползла на юг, но от нее отвернулась удача, и вскоре русским пришлось пойти назад через безводные и безлюдные степи.

Отвернулась от Голицына и цесаревна Софья – место князя в ее сердце занял начальник Стрелецкого приказа Федор Шакловитый – безродный маленький чиновник, ставший, на европейский лад, одним из всесильных министров.

Софья приблизила к себе Шакловитого после того, как он решительно поддержал ее намерение венчаться на царство и единолично занять московский трон.

Голицын в это время находился во втором походе на Крым, столь же неудачном, как и первый, и Шакловитый не только стал первым сановником в государстве, обойдя всех родовитых и знатных бояр, ненавидевших его как худородного выскочку, но и сделался сердечным другом царевны Софьи, ее фаворитом.

Он оставался в фаворе и после того, как в Москву в июле 1689 года возвратился из очередного неудачного похода на Крым теперь уже отвергнутый Софьей Голицын. Хотя Софья и встретила его, как победителя, и осыпала наградами и подарками, бывшего сердечного расположения к «свету Ва-

сеньке» царевна не вернула – в ее сердце прочно укрепился Федор Шакловитый.

Так подходили к концу восьмидесятые годы XVII века, и никто еще не знал, какие серьезные перемены принесут идущие им на смену годы девяностые, выведя на авансцену истории множество новых людей и событий.

Жизнь Петра до вступления на царский престол

Далее героем нашего повествования будет царевич Петр Алексеевич, а затем царь и, наконец, император Всероссийский. Однако жизнь его будет освещена таким образом, что на первом плане окажутся те немцы и немки, которые стали его опорой, друзьями и соратниками, которые верой и правдой служили ему, и читателю станет ясно, почему именно с немцами Петр решил заключить брачные союзы двух своих племянниц, сына и дочери.

Уже в юности Петр проникся любовью и уважением к образу жизни, культуре, ремеслам и наукам, к которым общались его московские немцы, поселившиеся в своей собственной слободе за Яузой. Петр был так восхищен всем, что увидел там, так покорен костюмами и застольями, чистотой и порядком, что вскоре сам стал называть себя «немцем».

Уже в десять лет Петр был рослым, крепким мальчиком, подвижным и любознательным. Одним из его первых учителей был подьячий Посольского приказа Никита Моисеевич Зотов, выучивший Петра грамоте и началам российской истории.

В одиннадцать лет Петр показался секретарю шведского посольства Кемпферу шестнадцатилетним. «Лицо у него от-

крытое, красивое, молодая кровь играла в нем... Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских».

Как раз в это самое время начинает Петр свои «марсовы потехи», начиная служение богу войны – Марсу. 30 мая 1683 года, когда исполнилось ему одиннадцать лет, в подмосковном селе Воробьево артиллерийский капитан Симон Зоммер впервые учинил перед Петром «потешную огнестрельную стрельбу» из настоящих орудий. Зоммер был одним из первых иностранцев, с которыми судьба свела юного царя, и почти тотчас же Петр обратил внимание и на других иноземцев, живших, как и Зоммер, на берегах ручья Кукуй в Немецкой слободе.

Военные игры привели к тому, что Петр объявил о создании потешного полка, и на его зов 30 ноября 1683 года первым явился сорокалетний придворный конюх Сергей Бухвостов, вошедший в историю как первый солдат российской регулярной армии. Он прослужил до семидесяти лет, выйдя в отставку майором артиллерии. Петр так любил Бухвостова, что приказал скульптору Бартоломео Растрелли-старшему сделать еще при жизни Сергея Леонтьевича его статую.

Однако не на долю Бухвостова выпала наибольшая известность, а тем более наибольшая удача – в особом, как тогда говорили, «кредите у Фортуны» оказался иной человек – сын другого дворцового конюха, тоже явившийся на зов

Петра в потешный полк, Александр Данилович Меншиков. Петр видел Меншикова в доме швейцарца Лефорта, где тот был «казачком» — мальчиком на посылках. Да и было ему в ту пору десять лет. Петр же был старше Меншикова всего на полтора года. А уже через три года тринадцатилетний Меншиков служил денщиком Петра, почти сразу же став его любимцем. Сметливый, расторопный, веселый, смелый, с удовольствием разделявший все утехы своего государя, Меншиков вскоре стал «вторым я» юного царя, ни на час не отлучаясь от него и ловко угождая малейшим его прихотям.

Вокруг Петра очень быстро возник кружок его сверстников, а также мужчин и женщин более зрелых, готовых, однако, потакать сначала достаточно робким, а потом все более откровенным и, наконец, необузданно-распущенным вожделениям будущего российского самодержца. И в этом Меншиков был первым его сподвижником и не по годам ловким сводником.

Да и в «марсовых потехах», которые в это время составляли главное занятие и царя, и его денщика, они были столь же неразлучны и единомышленны, как и в прочих делах.

Так, между играми, забавами и непременными серьезными занятиями по обмундированию, снабжению, вооружению и обучению сотен молодых рекрутов, в селе Преображенском появился одноименный, пока еще вроде бы и потешный, но уже и нешуточный, а впоследствии первый гвардейский полк России, увенчанный всеми наградами империи.

Петр, наряду с другими, стал служить в этом полку рядовым, испытывая на себе все перипетии и тяготы солдатской службы, которая закалила его и рано сделала взрослым мужчиной. Эта же служба еще более сблизила Петра с иностранцами-офицерами, так как именно их – преимущественно немцев – молодой царь пригласил в Преображенский полк на командные должности.

В 1685 году Петр приказал построить в Преображенском, на берегу Яузы, потешный городок-крепость Прешбург, чтобы обучать солдат осаде, обороне и штурму городов. Ах, как жестоко пошутила потом судьба с этой игрушечной крепостью! Пройдет восемь лет, и именно здесь разместится страшный Преображенский приказ – место пыток и казней государевых супротивников.

А тогда, еще не помышляя о том, строили «потешную фортецию» все те же иноземцы, еще более разжигая его любопытство к европейским премудростям.

Игра перерастала уже в дело серьезное и небезопасное для всех противников молодого царя. Весной 1687 года он начал создавать второй потешный полк – Семеновский, формировавшийся в соседнем селе – Семеновском.

И здесь не обошлось без иноземцев, которые, кроме фрунта, экзерциций, парадов и военной музыки, приохотили пятнадцатилетнего бомбардира и к музыке партикулярной, к табаку, пиву, вину, а затем познакомили с юными прелестницами из Немецкой слободы.

Кукуйские девы кружили голову не хуже вина и представлялись Петру живым воплощением первозданного плотского греха — влекущего, сладкого и пока еще не изведенного.

Петр, никогда не игравший вторых ролей, всегда старавшийся не уступать никому ни в чем, в утехах застольных и амурных тоже хотел быть только первым и потому всюду показывал свою силу, удаль и молодечество. С этого времени пирушки с иностранцами и русскими товарищами его забав и дел стали неотъемлемой чертой жизни и быта Петра, сохранившейся им вплоть до самой его смерти.

А когда исполнилось ему шестнадцать, затеял он строить на Плещеевом озере, в Переяславле-Залесском первую флотилию, положив тем самым начало российскому кораблестроению. Эта очередная потеха заставила Петра заняться арифметикой и геометрией, освоить различные астрономические и корабельные инструменты, чему обучали его тоже иноземцы Франц Тиммерман и Карстен Брант.

Месяцами стал он пропадать на озере, чем приводил матушку свою Наталью Кирилловну в великое смятение. Мать боялась, что ее Петруша утонет, и не знала, что предпринять, чтобы привязать сына к Москве. Новая затея казалась ей еще хуже и опаснее, чем потешные игры возле Преображенского и ночные кутежи в Кукуе.

И тогда Наталья Кирилловна надумала женить сына на молодой красавице и стала присматривать будущую невестку среди лучших столичных невест.

После раздумий она остановила свой выбор на двадцатилетней московской дворянке Евдокии Лопухиной, девушке красивой, но не очень умной и, главное, очень несхожей со своим мужем по характеру.

После свадьбы Петр очень быстро остыл к молодой жене и подолгу оставался на Плещеевом озере.

Наезжая в Москву, Петр все чаще интересовался государственными делами, что насторожило и испугало Софью и ее сторонников. В Кремле видели, что орленок расправляет крылья, но видели также и то, что противная ему сторона – прежде всего сама Софья и Шакловитый, а также и князь Голицын – не намерены уступать власть молодому претенденту.

Опасаясь еще большего усиления Шакловитого, а вместе с ним и Софьи, враги Федора Леонтьевича решили опереться на семнадцатилетнего царя Петра и в ночь с 7 на 8 августа 1689 года донесли, что начальник Стрелецкого приказа злоумышляет на жизнь его самого и его матери.

(Впоследствии все восемь доносчиков получили по тысяче рублей – огромные деньги, если срубить и поставить избу стоило тогда один рубль.) Петр поверил навету и тотчас же бежал из подмосковного села Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, за мощными стенами которого семь лет назад скрывалась царевна Софья.

Петр бежал туда по совету Бориса Голицына, двоюродного брата Василия Голицына. В ту пору Борис Голицын был

одним из ближайших сподвижников Петра и имел на него сильное влияние. Петр примчался в Троицу в сопровождении лишь нескольких приближенных, но уже на следующий день к нему приехали мать, любимая сестра Наталья и молодая жена – царица Евдокия.

А следом за ними к воротам монастыря подошел большой и сильный отряд, который привел швейцарец, полковник Франц Лефорт, – любимец Петра и верный его друг.

За то, что Лефорт первым из офицеров-иностранцев примчался на помощь к Петру, он был произведен в генералы.

Вслед за Лефортом в монастырь пришло еще несколько офицеров-иностранцев и оставшийся верным Петру стрелецкий Сухарев полк. Еще через три дня прибыли и телеги с порохом, ядрами, картечью, пушками и мортирами. А к концу августа в Троицу пришли со всеми урядниками еще пять стрелецких полковников.

Патриарх Иоаким, посланный в Троицу царевной Софьей для того, чтобы помирить ее с братом, не только не стал миротворцем, но ясно дал понять Петру, что стоит на его стороне и дальше будет держаться точно так же.

Почувствовав, что сила на его стороне, Петр 1 сентября потребовал выдать ему Шакловитого «головой», и после того как Софья, помешкав неделю, все же выдала своего любимца, хотя при этом и обливалась слезами, Федора Леонтьевича поставили на пытку и 12 сентября отрубили голову.

Василия Голицына отправили с женой и детьми к Север-

ному Ледовитому океану, а царевну Софью заточили в московский Новодевичий монастырь.

Софья умерла монахиней 3 июля 1704 года, 46 лет, а Голицын умер в изгнании в 1714 году в возрасте 70 лет.

Петр-самодержец

После победы над Софьей и ее сторонниками Петр стал единовластным самодержавным государем. Возвратившись в Москву, он с головой погрузился в государственные дела, впервые ощутив тяжесть Мономаховой шапки. И хотя титул царя обязывал Петра претерпевать многие связанные с ним неудобства, тяжелее всего давались Петру сдержанность и благолепие, ибо молодость и жгучий темперамент оказывались сильнее разума и строгих канонов дворцового и церковного этикета. Особенно нетерпимыми для сторонников благочиния казались теперь наезды царя в еретическую Немецкую слободу, где по-прежнему правил бал его друг Лефорт.

Одним из немногих, кто решительно противился дружбе юного царя с иноземцами-иноверцами, видя в этом и пагубу его душе, был патриарх Иоаким. Но 17 марта 1690 года Иоаким умер, и Петр, уже никем не сдерживаемый, пустился в разгул.

Через две недели после смерти Иоакима Петр впервые переоделся в немецкое платье, заранее сшитое к этому времени по его заказу в Мастерской палате специально для него. Он облачился в камзол, штаны, чулки и башмаки, перекинул через плечо шитую золотом перевязь, прицепил к ней шпагу и надел парик. Причем кое-что из этого поставил Петру новоиспеченный генерал Франц Лефорт.

По возвращении из Троицы в Москву Петр чаще, чем к кому-либо другому, стал заезжать к Лефорту, где его всегда ждали компания, в которой можно было услышать множество любопытных и полезных историй, а также желанное свободное общение с молодыми красивыми женщинами.

Историки, изучавшие жизнь Петра, утверждают, что великий преобразователь России, не придававший значения моральным канонам того общества, в котором довелось ему увидеть свет, не видел различия между служанками и принцессами, россиянками и иностранками, руководствуясь в выборе только одним – страстью.

Его медик – француз Вильбоа, сказал как-то об этой стороне петровского характера: «В теле его величества сидит, должно быть, целый легион бесов сладострастия». Удовлетворяя свое сладострастие, Петр должен был иметь дело с легионом ведьм, и многие современники-очевидцы или косвенные свидетели царской разнузданности приводят немало историй самого скабрёзного свойства. Однако сейчас нас интересуют только Немецкая слобода и женщины-иноземки, живущие в ней. И потому разговор пойдет только о них и об их окружении.

Первым проводником молодого Петра в Эдеме любовных приключений, каким представлялась ему Немецкая слобода, стал великолепный и неотразимый Лефорт.

Он-то и познакомил своего подопечного с его первой, довольно мимолетной привязанностью – дочерью ювелира Бот-

тихера. Однако вскоре все тот же неутомимый швейцарец свел Петра со своей собственной любовницей, которая на многие годы стала любимицей царя – с первой красавицей Кукуя, дочерью ювелира и виноторговца Иоганна Монса Анной.

Семейство Монсов в «Списках замечательных лиц русских», составленных П. Ф. Карабановым, названо семьей «нидерландца, московского золотых дел мастера Мёнса», а его сына Вилима там же называют «Мём де Ла Круа».

По утверждению австрийского посла Гвариента в письме австрийскому императору Леопольду I, Анна Монс, став любовницей Петра, не оставила и своего прежнего галанта Лефорта, деля ложе то с тем, то с другим.

Петр, необузданный, непредсказуемый, порой даже безумный и крайне противоречивый в собственных симпатиях и антипатиях, мог, даже зная о любовной связи Анны Монс со своим другом-соперником, не обратить на это ни малейшего внимания – настолько сильно любил он Лефорта. Если же в том же самом грехе оказывались по отношению к нему женщина или мужчина, которых он не любил или переставал любить, месть его была ужасной. Об этом речь пойдет ниже.

Как бы то ни было, но чувства Петра к жене Евдокии уже в 1693 году угасли окончательно. А между тем Евдокия Федоровна менее чем через год после свадьбы, 18 февраля 1690 года, родила царю сына, названного в честь деда Алексеем,

а затем в 1691 и в 1692 годах еще двух мальчиков – Александра и Павла, которые умерли во младенчестве, не прожив и одного года.

Однако государственные дела всегда были для Петра несравненно важнее его личных дел.

Он дважды уезжал в Архангельск, желая создать современный торговый флот, дважды ходил в походы на Крым, победоносно завершив их с помощью военного флота, созданного им в центральной России. Наконец, в марте 1697 года он отправился в Европу с «Великим посольством», чтобы воочию увидеть передовые европейские страны и затем употребить в России все полезное, что он там узнает.

К сожалению, тема нашей книги – брачные союзы дома Романовых с немецкими династиями, и проблемы внутренней и внешней политики будут освещаться здесь лишь настолько, насколько они имеют отношение к основной теме.

Итак, в начале марта 1697 года из Москвы в Европу отправилось «Великое посольство». Проехав через Курляндию, Пруссию, Бранденбург и Голландию, Петр на три месяца заехал в Лондон. Здесь-то он и принял решение, круто переменявшее судьбу его жены. Перестав отвечать на письма Евдокии Федоровны еще по пути в Англию, Петр, оказавшись в Лондоне, решил насильно постричь ее и заточить в монастырь с тем, чтобы жениться на Анне Монс и возвести свою новую жену на российский трон. О второй части своего замысла Петр пока что хранил молчание, а в первую часть по-

святит оставленных в Москве дядю Льва Кирилловича Нарышкина и не менее доверенного родственника – боярина Тихона Стрешнева. Петр приказал им склонить Евдокию к добровольному принятию монашества. Однако ни Нарышкин, ни Стрешнев в этом не преуспели. Вопрос этот был решен лишь после того, как Петр вернулся в Москву сам.

* * *

Это произошло 25 августа 1698 года, когда, загнав коней, Петр примчался в свою столицу из Вены, куда пришла к нему весть о том, что в Москве 6 июня произошел еще один бунт стрельцов. И хотя мятеж был подавлен менее чем через две недели после того, как начался, и 57 главных зачинщиков были немедленно казнены, а четыре тысячи рядовых участников сосланы, Петр, тем не менее, сразу же начал новое следствие, которое привело на плаху и на виселицу больше тысячи человек. Сотни стрельцов были изувечены, брошены в тюрьмы, усиланы в самые глухие медвежьи углы царства.

«Царь, Лефорт и Меншиков взяли каждый по топору. Петр приказал раздать топоры своим министрам и генералам. Когда же все были вооружены, всякий принялся за свою работу и отрубал головы. Меншиков приступил к делу так неловко, что царь надавал ему пощечин и показал, как должно отрубать головы», – писал позже саксонский посланник. Александр Данилович, способный к любому делу, тут же, на

глазах у царя, немедленно исправился и к концу дня отрубил двадцать стрелецких голов да еще и пристрелил одного из колесованных, чтобы прекратить его мучения. Последнее милосердное деяние произвел он, впрочем, не по собственной инициативе, а по приказу Петра.

Стрелецкие полки были расформированы, а на их месте появились новые полки – регулярной российской армии. Петр лично участвовал при допросах и пытках, организовывал казни, но между этими государственными делами не забывал и о своих личных заботах.

Побывав в первый же день у Анны Монс и заехав потом еще в несколько других домов, он лишь через неделю встретился с Евдокией. Причем не в ее кремлевских покоях и не у себя, а в доме одного из своих ближайших сотрудников Андрея Винуса, главы Почтового ведомства.

Долгие разговоры ни к чему не привели – Евдокия наотрез отказалась уходить в монастырь и в тот же день попросила о заступничестве патриарха Адриана.

Патриарх заступился за царицу, но Петр накричал на семидесятилетнего князя церкви, заявив, что это не его дело и он, царь, никому не позволит вмешиваться в его решения и его собственные семейные дела.

Через три недели Евдокию Федоровну посадили в закрытую карету, и два солдата-преображенца отвезли ее в Суздаль. Есть свидетельство, что Петр даже хотел казнить Евдокию, но за нее заступился Лефортов, и дело ограничилось

заточением в монастырь.

Там с ней и вовсе перестали церемониться: силой постригли, переименовав ее родовое имя «Евдокия» на новое, монашеское – «Елена», и, не обращая внимания на крики и слезы, заперли в тесную келью Покровского девичьего монастыря.

Ей не дали ни копейки на содержание, и она вынуждена была просить деньги у своих опальных и обнищавших родственников: «Здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хотя я вам и прискушна, да что же делать. Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте, нищую».

* * *

Возвращение Петра в Москву ничего не изменило в его отношениях с Анной, и если бы не начавшаяся вскоре война со Швецией, то, может быть, Анна Ивановна и стала бы русской царицей, как немного позже случилось это с другой иноземкой – Мартой Скавронской, вошедшей в историю под именем Екатерины Первой.

Именно Северная война во многом стала причиной первых брачных союзов Романовых с немецкими династиями.

19 августа 1700 года Россия объявила войну Швеции, начав одну из самых затяжных войн в своей истории – Северную, длившуюся двадцать один год и по продолжительности сравнимую только с двадцатипятилетней Ливонской войной

1558—1583 годов при Иване Грозном. Последняя, будучи проиграна, оказалась по своим последствиям весьма трагической для России.

Между тем и Ливонская война, и Северная проходили на территории Прибалтики, Ингерманландии, части Карелии и Литвы, и это предопределяло сходство геополитических интересов Ивана Грозного и Петра I, обязанных и вынужденных учитывать расклад сил многих государств этого обширного региона.

22 августа Петр, оставив Москву, отправился на театр военных действий к Нарве. 19 ноября русские войска потерпели там серьезнейшее поражение, но Петр не опустил руки и с еще большей энергией продолжал начатое дело. Тема этой книги не позволяет подробно останавливаться на истории военной или политической, если, по крайней мере, события не связаны с перипетиями личной жизни наших героев. Поэтому и сейчас речь пойдет об одном из военных эпизодов, без которого не произошло бы крутого поворота в отношениях Петра и Анны Монс.

Случилось так, что однажды вечером в апреле 1703 года возле стен осажденной шведской крепости Нотебург (потом Петр переименовал ее в Шлиссельбург) царь прогуливался с приехавшим к нему саксонским посланником Кенигсекком. Вдруг Кенигсек поскользнулся на бревне, переброшенном через неширокий, довольно мелкий ручей, и на глазах у Петра рухнул в воду лицом вниз. Видевшие все это солдаты тут

же бросились к нему на помощь, но было поздно – саксонский посланник захлебнулся, и откачать его не удалось.

Когда утопленника вытащили из ручья, у него в карманах обнаружили целую пачку писем коварной Анны Монс, в которых, как писал академик Герард Фридрих Миллер, она «слишком ясно выражала свою преступную любовь к Кенигсеку». Кроме того, у Кенигсека оказался и миниатюрный живописный портрет Анны.

Петр тотчас же приказал приставить к дому Анны крепкий караул и никого к ней не пускать. Анна поняла, что следует во что бы то не стало вернуть себе расположение царя, и попробовала сделать это при помощи колдовства, чародейства, приворотных зелий, перстней и тому подобной каббалистики.

Не только Анна, но и все ее семейство попали в опалу, которая продолжалась до 1707 года, пока в судьбу бывшей фаворитки царя не вмешался прусский резидент Георг Иоганн фон Кайзерлинг, сопровождавший, как и Кенигсек, Петра на войне. 10 июля 1707 года, неподалеку от Люблина, где стояла тогда Главная квартира русской армии, Кайзерлинг объявил Петру, что Анна Монс – его невеста и потому он просит разрешения на брак с нею.

Петр же ответил ему так:

– Я воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она вами прельщена и развращена, то я ни о ней, ни о ее родственниках ничего

ни слышать, ни знать не хочу.

Присутствовавший при этом Меншиков сказал Кайзерлингу:

– Девка Монс действительно подлая публичная женщина, с которой я сам развратничал столько же, сколько и ты.

В ответ на это Кайзерлинг полез драться, но Петр и Меншиков спустили его вниз по лестнице.

Упрямец все же добился своего, но только через четыре года после этого происшествия. Он обвенчался с Анной в июне 1711 года, однако через полгода после свадьбы умер. Анна пережила его не намного: она скончалась в Немецкой слободе 15 августа 1714 года.

Начало «генерального романа» Петра I

25 августа 1702 года русские войска фельдмаршала Шереметева заняли город Мариенбург (ныне это латвийский город Алуксне). Его служанкой стала восемнадцатилетняя Марта Скавронская, дочь местного крестьянина, недавно вышедшая замуж за полкового трубача немца Иоганна Крузе, после чего стала прозываться Мартой Трубачевой. Ее настоящим отцом был не крестьянин, а его господин – помещик-немец фон Альвендаль. Марта приглянулась пятидесятилетнему Шереметеву, но потом стала добычей Меншикова, который отбил ее у фельдмаршала и увез в Москву. 1 марта 1704 года Марта попала на глаза гостю Меншикова – царю Петру, и он забрал ее себе.

Марта совершенно очаровала Петра.

Новый роман не походил ни на один из его предыдущих. От двадцатилетней литовской крестьянки тридцатидвухлетний царь потерял голову и с самого начала имел в отношении Марты серьезные намерения. Он не считал ее простой наложницей, но видел в ней будущую жену. Марта родила от царя двоих сыновей – Петра и Павла, которые, правда, умерли во младенчестве. Но еще до их кончины в 1705 году Петр предложил своей будущей жене, матери двоих сыновей, принять православие.

К этому времени и сама Марта прекрасно понимала, что Россия стала для нее новой родиной, где ей предстоит прожить еще очень долго. «Для того, – писал историк К. И. Арсеньев, – оставила веру своей родины и приняла православие; усердно начала изучение русского языка и скоро преуспела в нем так, что казалось, будто всегда принадлежала к великой семье русского народа».

Решив крестить Марту Скавронскую по православному обряду, Петр уже в 1705 году имел в отношении нее далеко идущие планы, намереваясь в дальнейшем сделать ее и своей женой, и русской царицей. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что крестным отцом Марты, получившей при новом крещении имя Екатерины, был родной сын Петра – пятнадцатилетний царевич Алексей, а ее крестной матерью – сводная сестра царя Екатерина Алексеевна, сорокасемилетняя дочь Алексея Михайловича и Марии Милославской.

С этого времени Марта стала называться Екатериной Алексеевной, и все, кто знал ее, резко изменили отношение к ней, ибо теперь перед ними была крестница царевича и царицы, в недалеком будущем их государыня.

Первый брачный союз Романовых с Курляндскими герцогами Кеттлерами

В ходе Северной войны на авансцену семейной жизни царского российского дома выходит племянница Петра, семнадцатилетняя Анна Ивановна, которую Петр решил выдать замуж за владельца соседней с Петербургом Курляндии герцога Фридриха-Вильгельма – потомка последнего магистра Ливонского ордена Кеттлера.

Здесь необходима краткая историческая справка: как уже упоминалось, в 1558 году Русское государство начало войну против Ливонии. В первые же годы Ливонской войны три самых крупных государства этого региона – город Рига, Рижское архиепископство и Ливонский орден – либо полностью признали над собою власть польского короля Сигизмунда II Августа, либо оказались в сильной от него зависимости.

Магистр Ливонского ордена Готард Кеттлер 5 марта 1562 года подписал договор о ликвидации Ордена и присягнул королю Польши на верность, как то же самое в 1525 году проделал последний гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт Гогенцоллерн, присягнув королю Польши и Великому князю Литвы Сигизмунду I Старому. После принесения присяги гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт Гогенцоллерн стал первым герцогом Пруссии, а последний магистр Ливонского ордена – первым герцогом Курляндским и Земгаль-

ским (сокращенное название – Герцогство курляндское).

На следующий день полномочный представитель короля Сигизмунда II Августа князь Николай Радзивилл Черный назначил Кеттлера еще и губернатором правобережной Ливонии – Задвинского герцогства, которое тогда входило в состав Великого княжества Литовского.

С тех пор и до описываемых здесь событий Курляндское герцогство было светским владением, в котором власть была наследственной и принадлежала потомкам Готтарда Кеттлера, передаваясь по нисходящей линии. Последним из его потомков был в 1709 году герцог Фридрих-Вильгельм.

Следует заметить, что именно тогда русскими одержаны были решающие победы над шведами – в сражениях при Лесной, в знаменитой битве под Полтавой и под Переволочной.

В этот переломный для России год небо Москвы много раз озарялось победными фейерверками. 21 декабря 1709 года состоялся триумфальный марш победителей у Лесной, под Полтавой и у Переволочны.

В июне 1710 года русские войска взяли Выборг, в июле – Ригу, в сентябре – Ревель (Таллинн). С 1710 года в Курляндии влияние России необыкновенно усилилось, и Петр I, желая сделать его абсолютным, задумал опереться на дом Кеттлера. Для этого он решил выдать свою семнадцатилетнюю племянницу – царевну Анну Ивановну – за ее одногодка – герцога Фридриха-Вильгельма Кеттлера.

Царевна Анна была дочерью покойного старшего брата Петра – царя Ивана, умершего в январе 1696 года на тридцатом году жизни. Иван оставил вдовой молодую царицу Прасковью Федоровну, которой был тогда тридцать один год, и трех дочерей – Екатерину, Анну и Прасковью. Девочки находились еще во младенчестве – старшей сравнялось четыре года, младшей шел второй год.

Чуть позже стали их учить чтению, письму и катехизису, приставив грамотных соотечественников из духовного звания, а из других предметов посчитали нужным преподавать царевнам два языка – французский и немецкий, да еще и танцы, наняв для сего двух иностранцев – француза Рамбура, обучавшего танцам и французскому языку, и немца Иоганна Остермана – учителя немецкого языка. Но оба учителя были очень посредственными, а Остерман просто-напросто удивительно глуп, и потому девочки ничему от них не научились.

Меж тем 22 марта 1708 года царица Прасковья Федоровна выехала из Москвы в Петербург с огромной свитой и всеми дочерьми: шестнадцатилетней Екатериной, четырнадцатилетней Анной и двенадцатилетней Прасковьей. Почти через месяц, 25 апреля, прибыли они в Петербург и поселились в подготовленном для них доме рядом с домами царя, Меншикова и других знатных особ.

Вскоре дом царицы Прасковьи стал наполняться великосветскими петербургскими сплетнями и слухами. Говорили

о родственниках, о приближенных царя. О Фридрихе-Вильгельме, кстати, доводившемся племянником королю Пруссии Фридриху I Гогенцоллерну, средняя дочь Прасковьи Анна впервые услышала поздней осенью 1709 года, когда ей сообщили о решении государя выдать ее замуж за герцога Курляндии Фридриха-Вильгельма.

В июле 1710 года его уполномоченные приехали в Петербург и заключили с Петром договор о предстоящем брачном союзе. После этого договор увезли в Митаву (сегодня это город Елгава, Латвия), и там герцог его тотчас же ратифицировал, после чего его пригласили приехать в Петербург.

Одновременно с приглашением герцогу был послан приказ фельдмаршалу Шереметеву, чьи войска 14 июля 1710 года взяли Ригу, сопровождать герцога в Петербург.

В августе Фридрих-Вильгельм приехал к своей невесте и был необычайно радушно встречен и Анной, и ее матерью, и сестрами, и, что самое главное, царем.

Все царское семейство и первые вельможи государства потчевали и развлекали дорогого гостя как могли: над Петербургом непрерывно загорались фейерверки, не прекращалась пушечная пальба, веселые компании молодых людей и дам передавали Анну и ее жениха из одного гостеприимного дома в другой, а в сентябре в честь герцога были проведены большие маневры военного флота.

Петр подарил Фридриху-Вильгельму четыреста кавалеристов, а Меншиков – пятьдесят телохранителей-драбантов, а

кроме того драгоценный сапфир стоимостью в 50 000 талеров и турецкого жеребца необычайной красоты.

Наконец на 31 октября была назначена свадьба.

В девять часов утра сам Петр, выполняя роль обер-маршала, в окружении знатнейших особ отправился по Неве во главе целой флотилии шлюпок и лодок к дому царицы Прасковьи.

Царь был в алом кафтане с собольей отделкой, с голубой лентой через плечо, орденом Андрея Первозванного, с серебряной шпагой и в пудреном немецком парике.

50 судов, наполненных дамами и господами, разодетыми в немецкие камзолы и платья, плыли следом за царем.

Из дома Прасковьи флотилия двинулась ко дворцу князя Меншикова, где и должна была проходить свадебная церемония. Выбор дома объяснялся просто: в Петербурге не было большего по размеру и лучшего по всем прочим статьям помещения для празднования свадьбы, чем дворец Светлейшего.

Жених и невеста были одеты в белые одежды, расшитые золотом. Во дворце Меншикова установили полотняную походную церковь, в которой архимандрит Феодосий Яновский и обвенчал молодых. Затем все пошли обедать, усевшись за столы, накрытые с необычайной роскошью. Тост сменялся тостом, и после каждого следовал залп из 41 пушки, которые стояли на плацу и на большой яхте.

А потом начался бал, в котором немецкие и французские

танцы сменяли друг друга.

И лишь в три часа ночи молодые ушли в спальню.

Датский посланник при Петербургском дворе Юст Юль сообщал в своих «Записках», что на следующий день с двух часов дня свадебный пир продолжался, как и накануне, в доме Меншикова, только на сей раз гости угощались не за счет царя, а за счет хозяина дома. Выпито было по семнадцать здравных чар, и каждый тост сопровождался тринадцатью пушечными выстрелами.

К концу обеда внесли два огромных пирога, и в каждом из них оказалось по карлице. Как только пироги разрезали, карлицы, одетые в красивые французские платья, начали исполнять заранее отрепетированные номера. Карлица, стоявшая на столе новобрачных, продекламировала поздравительные стихи по-русски, а ее подруга, стоявшая на столе, за которым сидел царь, молча слушала, пока царь не взял ее на руки и не перенес на другой стол. Там обе карлицы под звуки оркестра исполнили менуэт, очень изящно протанцевав его.

После обеда на плотях, поставленных на Неве, зажгли фейерверк. В небе вспыхнули три буквы: А, F и P – начальные буквы имен Анна, Фридрих и Петр. Потом появились две пальмы, макушки которых переплелись, а над ними вспыхнули слова: «Любовь соединяет». Третьей картиной была сцена, в которой ангелоподобный Купидон сковывал молотом два сердца, лежавших на наковальне. Над этой картиной горели буквы: «Из двух едино сочиняю». Царь сам

устроил этот фейерверк и объяснял гостям аллегорический смысл каждой картины.

Действо закончилось тем, что над Невой одновременно вспыхнуло множество ракет, после чего начались танцы, длившиеся до полуночи.

Но на этом свадебные торжества не закончились, потому что царь хотел и дальше потешать своего нового зятя.

Такой потехой стала начавшаяся спустя два дня свадьба любимого карлика царя Екима Волкова с невестой-карлицей.

Петр решил отпраздновать и эту свадьбу с неменьшим размахом. По его приказу из Москвы в Петербург привезли более семидесяти лилипутов и лилипуток, и они вместе со своими петербургскими товарищами и товарками стали героями еще одного – двухнедельного – празднества. Великана Петра забавляло, что он окружен такими маленькими людьми, и царь всячески подчеркивал эту контрастность в шествиях, церемониях и народных гуляниях.

Свадьба двух лилипутов в точности повторяла только что прошедшую свадьбу принцессы Анны и герцога Фридриха-Вильгельма. Она проходила в том же дворце, за теми же столами, и гости на свадьбе были те же самые, кроме семи десятков карликов и карлиц. И наиболее серьезные и вдумчивые гости видели в новом шутовском действе некую пародию на брак незначительного принца с племянницей великого и могучего государя.

Как бы то ни было, но молодые в январе 1711 года выехали в Митаву. Однако путешествие их в Курляндию оказалось очень недолгим: 9 января, в сорока верстах к юго-западу от Петербурга, на мызе Дудергоф молодой герцог скончался.

Он умер от неумеренного злоупотребления крепкими винами и водкой. Не следует забывать, что было ему тогда всего семнадцать лет.

Анна вернулась в Петербург и думала, что останется там жить с матерью и сестрами, но Петр велел ей ехать в Курляндию и образовать там из курляндских дворян прорусскую партию, чтобы противостоять пропольской партии, главой которой был дядя покойного Фридриха-Вильгельма – герцог Фердинанд.

Особо сильного смятения весть о неожиданной смерти герцога Фридриха-Вильгельма в Петербурге не вызвала, так как за неделю до отъезда молодых в Митаву пришло известие, что турецкий султан объявил России войну.

17 января 1711 года, оставив Меншикова в Петербурге, Петр и Екатерина выехали в Москву.

Им предстояло серьезнейшее испытание – необычайно трудный и несчастливый Прутский поход, во время которого Екатерина показала свои лучшие человеческие качества.

Прутский поход

25 февраля 1711 года в Успенском соборе был зачитан Манифест об объявлении войны Османской империи. Однако месяцем раньше из Риги на юг двинулись полки Шереметева, чуть позже выехал и сам командующий, а 6 марта из Москвы направился на театр военных действий и Петр.

В этот же день, 6 марта, перед отправлением в войска Петр тайно обвенчался с Екатериной, и теперь с ним в поход она впервые отправилась не как любовница Петра Михайлова, а как законная супруга царя, только пока не венчанная на царство.

Правда, об этом знали лишь самые близкие Петру и Екатерине люди, ибо венчание было тайным, а свадьбы и вообще не было. Официально же Петр венчался с Екатериной почти через год, 19 февраля 1712 года, после возвращения из Прутского похода и поездки в Польшу и Германию.

Необычайно сильная привязанность Петра к Екатерине объяснялась не только силой чувства, которое царь долгие годы испытывал к ней, ставя сначала свою «метресишку», а потом и жену вне бесконечного ряда близких с ним женщин.

Отдавая должное ее привлекательности, природному уму, душевному обаянию, стремлению быть единомышленницей несомненно любимого ею человека, нельзя не сказать, что Екатерина обладала и рядом необычайных качеств, облег-

чавших даже тяжелые недуги Петра, связанные с эпилептическими припадками.

Резидент Голштинского герцога в Петербурге, граф Генниг-Фридрих Бассевиц писал в своих «Записках»: «Она имела и власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать его гнева. Появление их узнавали по судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. И он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождалась страшной головной болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении».

В пути Петр получил несколько сообщений о необычай-

ном мздоимстве Меншикова и написал ему в Петербург грозное письмо, в котором имелась и такая фраза: «А мне, будучи в таких печалях, уже пришло не до себя и не буду жалеть никого».

Поездка в лагерь русских войск заняла у Петра более трех месяцев. Столь долгое его путешествие от Москвы до Прута объяснялось тем, что по дороге он подолгу останавливался в разных городах, решая вопросы грядущей кампании и особенно основательно подготавливая и проводя дипломатические акции. К тому же из-за внезапной болезни пришлось остановиться в Луцке.

Приехав еще в марте в Галицию, Петр встретился там, в местечке Ярослав, с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром и 11 апреля 1711 года подписал с ним союзный договор, направленный против турок. Здесь же, 30 мая, Петр подписал договор и с польским королем Августом II, специально для этого приехавшим в Ярослав.

И еще одно важное дело было разрешено во время пребывания Петра и Екатерины в Галиции: в местечке Яворово 19 апреля было подписано брачное соглашение о женитьбе царевича Алексея Петровича на Софье-Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской. По условиям договора, невеста оставалась в своей лютеранской вере, а будущие дети должны были креститься по православному обряду.

(К этому сюжету – второму брачному союзу Романовых с другой немецкой династией герцогов Брауншвейг-Вольфен-

бюттельских – мы еще вернемся чуть позже и подробно расскажем о том, каким оказалось супружество царевича Алексея и принцессы Софьи-Шарлотты.)

А теперь продолжим повествование о Прутском походе.

12 июня Петр и Екатерина прибыли в лагерь русских войск на Днестре, но полки Шереметева и сам фельдмаршал все еще были в пути.

Марш к Днестру оказался очень трудным: стояла сильная жара, высушившая не только ручьи и озера, но и колодцы. К тому же саранча пожрала траву, и от бескормицы пало множество лошадей, замедляя тем самым движение артиллерии и обозов. Да и провианта не хватало, ибо край был основательно разорен турками и союзными им татарами.

В начале июля все русские войска – дивизии Шереметева, Вейде и Репнина, – общей численностью в 38 246 человек соединились на берегу Прута и успели построить укрепленный лагерь, вокруг которого сосредоточились неприятельские силы, не менее чем в три раза превосходившие войска русских и союзных им молдаван князя Дмитрия Кантемира.

После двух штурмов, предпринятых турками 9 и 10 июля и с трудом отбитых русскими, Петр решил послать к Великому визирю Махмет-паше парламентаря с предложением о прекращении войны и заключении перемирия. Великий визирь склонялся к миру, но крымский хан и генерал Понятовский – представитель Карла XII – настаивали на продолжении сражения.

Объективно положение русских было катастрофическим: у них уже три дня не было ни куска хлеба, ни фунта мяса, а против 120 русских орудий неприятель выдвинул более 300. И все же турки не были уверены в успехе – перед ними стояла победоносная армия, прошедшая через огонь Лесной и Полтавы.

Петр очень нервничал. Он приказал Екатерине покинуть лагерь и скакать в Польшу, но она наотрез отказалась оставить его.

Между тем Великий визирь сохранял молчание, и тогда в турецкий лагерь отправился Петр Павлович Шафиров. В инструкции, данной Шафирову, Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной причины...» А этой «главной причиной» было спасение армии. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если того потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать Махмет-паше 150 тысяч рублей, а «другим начальным людям» еще более 80 тысяч.

Однако обещание выплаты столь огромной суммы было нереальным – армейская казна такими деньгами не располагала. А между тем надеяться следовало главным образом на деньги, золото, до коего и Великий визирь, и его помощники были очень и очень охочи.

И тогда, спасая положение, Екатерина отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а стоили они

десятки тысяч золотых рублей.

Шафиров вручил эти драгоценности и деньги туркам, и они подписали мир на условиях, о которых Петр и не мечтал: дело ограничилось возвращением Турции Азова, Таганрога и еще двух мелких городов да требованием пропустить в Швецию Карла XII. А турки обязались пропустить в Россию русскую армию.

В подтверждение готовности выполнить эти условия Шафиров и сын Шереметева – Михаил Борисович – должны были оставаться заложниками у турок.

11 июля Шафиров и Михаил Шереметев приехали в турецкий лагерь, а на следующее утро русская армия двинулась в обратный путь. Она шла медленно, сохраняя постоянную готовность к отражению внезапного нападения. 1 августа армия перешла Днестр, и уже ничто более ей не угрожало.

А Петр и Екатерина отправились сначала в Варшаву для свидания с Августом II, затем в Карлсбад, на воды, где Петр должен был пройти курс лечения, и наконец в Торгау, где должна была состояться свадьба царевича Алексея Петровича и принцессы Софьи-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, доводившейся свояченицей австрийскому императору и родственницей многим другим европейским монархам.

Детство и юность царевича Алексея

А теперь наступило время восполнить вакуум, образовавшийся вокруг еще одного важного героя этой книги – царевича Алексея Петровича.

Когда Евдокию Федоровну отвезли в монастырь, царевичу шел восьмой год. Он редко видел отца, и потому влияли на него мать, бабушка и их, преимущественно женское, окружение. С шести лет Алексея стал учить грамоте князь Никифор Кондратьевич Вяземский, но круг чтения был почти целиком церковный, и потому мальчик полюбил церковные службы, рассказы о святых и великомучениках, молитвы и заповеди. Это не устраивало Петра, и он передал сына в руки немца Мартина Нойгебауэра, юриста, историка и знатока латыни, которого хорошо знавшие его люди называли «персоной нарочитой остроты». Однако главным воспитателем Алексея Петр назначил все того же Меншикова, не умевшего ни читать, ни писать, и это настроило Нойгебауэра по отношению к Александру Даниловичу на враждебный лад. Дело кончилось тем, что в июле 1702 года было приказано «иноземцу Нойгебауэру за многие его неистовства от службы отказать и ехать ему без отпуска куда хочет». Но Нойгебауэр еще два года прожил в Москве, помогаясь какой-нибудь должности, и даже просил, «чтобы послану ему быть посланником в Китай».

Ничего не добившись в Москве, он уехал к себе на родину и издал там памфлет о нравах россиян и ужасах российского быта. Карьера привела его в стан шведского короля Карла XII, сделавшего Нойгебауэра своим секретарем, а потом и канцлером шведской Померании.

Об этом можно было бы и не упоминать, если бы не появился контр-памфлет – «пространное обличение преступного и клеветами наполненного пашквиля, изданного под титулом „Письмо знатного офицера“, написанное в 1705 году на немецком языке и принадлежавшее перу доктора прав барона Генриха фон Гюйссена.

Автор контр-памфлета, решительно защищающий Петра и Россию, и стал новым воспитателем царевича Алексея, сменив отставленного Нойгебауэра. Гюйссен составил хорошо продуманный план образования Алексея, отводя место «нравственному воспитанию, изучению языков французского, немецкого и латинского, истории, географии, геометрии, арифметики, слога, чистописания и военных экзерциций». Завершалось образование изучением предметов «о всех политических делах в свете и об истинной пользе государств в Европе, в особенности пограничных».

Сохранились свидетельства современников, что сначала Алексей учился охотно и хорошо, но его нередко отрывал от учения отец, забирая с собою на войну, в походы и поездки, а Гюйссена посылая с миссиями за границу.

Одной из таких дипломатических миссий барона была его

поездка в Вену – столицу Священной Римской империи, ко двору императора Иосифа I Габсбурга.

В Вене Гюйссен познакомился с датским посланником бароном Урбихом – опытным старым дипломатом, жившим здесь уже много лет. С 1699 года королем Дании был Фредерик IV, который принадлежал к Ольденбургскому дому и имел родственные связи со многими другими немецкими династиями. Состоял он в родстве и с герцогами Брауншвейг-Люнебургскими.

Урбих, отстаивая интересы своего короля, всегда имел в виду и интересы его родственников. При встрече с Гюйссеном, состоявшейся 28 января 1707 года, этот принцип был соблюден в полной мере, и когда посланец русского царя завел речь о том, что наследник российского трона хотел бы жениться на одной из германских принцесс, Урбих с готовностью откликнулся на это предложение и тут же назвал две кандидатуры – герцогинь Брауншвейг-Люнебургских, старшей из которых было тогда 13 лет, а младшей – 11.

Старшую сестру звали Шарлоттой Христиной Софией, и было решено, что именно ее будут сватать за царевича, которому в ту пору почти сравнялось 17 лет.

Распрашивая Урбиха о предполагаемой невесте, Гюйссен узнал, что ее род – один из знатнейших и старейших во всей Германии. Ее отец, Великий герцог Брауншвейгский Людвиг Рудольф, считался одним из образованнейших правителей, как и его отец – герцог Антон-Ульрих Воль-

фенбюттельский. Шарлотту Христину Софию называли то кронпринцессой Брауншвейгской, то герцогиней Вольфенбюттельской, не делая, впрочем, ошибки ни в том, ни в другом случае.

По словам Урбиха, девочка тоже была хорошо образована, ибо до семи лет жила у своего просвещенного деда, а с семи лет – при дворе Саксонского курфюрстра и Польского короля Фридриха-Августа II Сильного, союзника Петра I. Август II Фридрих происходил из древнего немецкого рода саксонских курфюрстов Веттинов. Он унаследовал трон Саксонии от своего отца, Саксонского курфюрста Иоганна-Георга III, а в 1694 году был избран королем Польши и в этом качестве был известен как Август II Сильный.

Софья-Шарлотта – таким сокращенным именем звали девочку, – живя при дворе Августа Сильного, была предметом постоянной заботы, нежности и ласки со стороны королевы и курфюрстины Христины Эберхардины, происходившей из рода Бранденбургских курфюрстов. Христина Эберхардина носила титул маркграфини фон Кульмбах и 22 лет в 1693 году вышла замуж за Фридриха-Августа, который был только на один год старше ее. Их свадьба состоялась в городе Байройте, резиденции ее отца, перенесенной за сорок лет перед тем из расположенного неподалеку от Байройта городка Кульмбах: оба города лежали в земле Верхняя Франкония, только один располагался на Белом Рейне, а второй – на Красном.

Теперь же и семья курфюрста, и Софья-Шарлотта жили в столице Саксонии – Дрездене, а ее другом и спутником многих игр, забав, а также учебы и «галантных предметов» был единственный сын Августа II Сильного, носивший такое же имя, как и его отец, – Фридрих-Август, впоследствии унаследовавший и корону курфюрста Саксонии, и корону Польши. Дети были почти одногодками, и это также сближало их.

Август, узнав о намерениях Урбиха, очень обрадовался перспективе, открывавшейся перед его воспитанницей, поскольку это укрепляло его союз с Петром I. Да и сам Петр I считал предстоящий брак достаточно выгодным, так как старшая сестра Софьи-Шарлотты Елизавета Христина вскоре вышла замуж за императора Священной Римской империи Карла VI, получившего трон в 1711 году, а курфюрст Ганновера Георг-Людвиг, доводившийся Софье-Шарлотте дядей, принадлежал к младшей ветви Люнебургского дома. По закону о престолонаследии, принятому в Англии в 1701 году, он мог занять престол Англии, если в правящем в Лондоне доме Стюартов не останется наследников по мужской линии. В этом случае корона Стюартов переходила к старшему мужскому отпрыску в Ганновере, что и случилось через семь лет – в 1714 году.

Однако в 1707 году Софья-Шарлотта была еще мала, и с женитьбой следовало подождать еще некоторое время.

Между тем, оставаясь в Москве, Алексей все теснее сближался с Нарышкиными, Вяземским и многими священника-

ми, среди которых ему был ближе всего его духовник – протопоп Верхоспасского собора Яков Игнатъев. Игнатъев поддерживал в Алексее память о его несчастной матери, осуждал беззаконие, допущенное по отношению к ней, и часто называл царевича «надеждой Российской».

В начале 1707 года Игнатъев устроил Алексею свидание с матерью, отвезя его в Суздаль, о чем тут же доложили Петру, находившемуся в Польше. Петр немедленно вызвал сына к себе, но не ругал его, а, напротив, решил приблизить и привлечь к государственной деятельности. Семнадцатилетнего Алексея он сделал ответственным за строительство укреплений вокруг Москвы, поручал ему набор рекрутов и поставки провианта, а в 1709 году отправил в Дрезден для дальнейшего совершенствования в науках. Вместе с царевичем поехали князь Юрий Юрьевич Трубецкой, один из сыновей канцлера граф Александр Гаврилович Головкин и Гюйссен.

Приехав в Дрезден, царевич жил инкогнито и помимо ученых занятий занимался музыкой и танцами. В это же время начались переговоры о женитьбе Алексея на принцессе Софье-Шарлотте. Пока эти переговоры проходили, Алексей Петрович переехал из Дрездена в Краков, где занимался фортификацией, математикой, геометрией и географией.

Близко знавший Алексея граф Вильген, писал, что царевич встает в четыре часа утра, молится, а затем читает. Его занятия начинаются в семь часов и продолжаются с перерывом на обед до шести часов дня. Спать Алексей ложился не

позже восьми часов.

В свободное время его любимым занятием были прогулки и посещение церквей.

В 1709 году пятнадцатилетняя Софья-Шарлотта в одном из писем матери впервые упомянула о том, что «каммер-президент Саксонии, возвратившись из Варшавы, рассказывал, что видел Алексея и нашел, что царевич умнее и симпатичнее, чем его описывают, он свободно говорит по-немецки, а его окружение состоит из умных и достойных людей».

В марте 1710 года Алексей побывал в Варшаве, был принят Августом II и через Дрезден поехал в Карлсбад. Неподалеку от Карлсбада, в местечке Шлакенверт он впервые увидел свою невесту, и, кажется, молодые понравились друг другу. Во всяком случае, Алексей писал Якову Игнатьеву: «Вышеписанную княжну я уже видел, и мне показалось, что она человек добрый и лучше ея здесь мне не сыскать».

В письме от 1 августа 1710 года Софья-Шарлотта писала матери о том, как Алексей живет в Дрездене, одном с нею городе: «Он берет уроки танцев у Потти, и его французский учитель тот же самый, который преподавал принцу (сыну Августа Сильного) и мне. Он изучает географию и говорит, что он весьма прилежен».

В других письмах, написанных ею осенью и зимой 1709 года, Софья-Шарлотта высказывала уверенность, что «Московское дело» – так называла она предстоящий брак – будет успешно завершено.

Сватовство и женитьба Алексея на Софье-Шарлотте

В сентябре 1710 года Алексей решил сделать Софье-Шарлотте официальное предложение и запросил на то разрешение Петра. Петр свое согласие дал, и в мае 1711 года царевич отправился в Вольфенбюттель для знакомства с родителями невесты и обсуждения с ними брачного договора. Для выяснения некоторых спорных пунктов этого договора в июне 1711 года к Петру был направлен тайный советник герцога Брауншвейгского Шляйниц, вскоре отыскавший царя и царицу в галицийском местечке Яворово, о чем кратко упоминалось раньше.

В Яворово был подписан «Договор Петра I с Брауншвейг-Вольфенбюттельским домом о супружестве царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты». Договор состоял из 13 пунктов и, в частности, разрешал Шарлотте не принимать православия, при условии, что дети от этого брака будут воспитываться в православной вере.

Договор определял доходы Шарлотты на содержание двора и свиты, денежные суммы, которые Алексей обязан давать своей жене на драгоценности, в нем также предусматривалось, что в случае смерти Алексея Шарлотта сможет возвратиться домой.

Шарлотта имела право взять с собою в Россию 117 при-

дворных и слуг – только для обслуживания экипажей предусматривалось иметь 22 человека – кучеров, конюхов, форейторов, колесников, седельников. С нею ехали и доктор, и священник, и повара, и множество других челядинцев.

Как уже говорилось, вскоре после подписания «Договора Петра I с Брауншвейг-Вольфенбюттельским домом» Петр и Екатерина уехали в действующую армию, на Прут, а по окончании неудачного для России похода августейшие супруги, побывав в Варшаве и Карлсбаде, пожаловали и в Торгау.

В то время как царская чета разъезжала по Польше и Чехии, в Брауншвейге завершилась подготовка к бракосочетанию кронпринца Алексея и принцессы Софьи-Шарлотты.

13 октября 1711 года Петр и Екатерина приехали в саксонский город Торгау, и на следующий день во дворце польской королевы было совершено венчание и отпразднована свадьба.

17 октября Петр I приказал молодым уезжать в Торунь, где Алексей должен был следить за заготовкой провианта для тридцатитысячной русской армии, стоявшей в Померании.

В это время отношения Алексея и Шарлотты были безоблачными. 4 января она писала своему отцу: «Царевич окружил меня своей дружбой, с каждым днем он демонстрирует мне знаки своей любви, так что я вправе сказать, что совершенно счастлива, если бы не место, где я сейчас живу, чрезвычайно неприятное».

19 октября Петр уехал из Торгау, в Померанию прибыл

Меншиков и взял Алексея с собой на театр военных действий. Это случилось в мае 1712 года.

В то же время Шарлотта уехала в Эльблонг, где стоял штаб Меншикова. Там, в октябре того же года, она получила распоряжение Петра I ехать через Ригу в Петербург. Как раз в это время между молодыми супругами произошло заметное охлаждение. Его причины неизвестны, но оно случилось, потому что в письме от 26 ноября 1712 года Шарлотта написала отцу: «Мое положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить себе чье-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит еще менее, чем когда-либо».

Охлаждение было столь значительным, что Софья-Шарлотта внезапно собралась в дорогу и уехала к себе, в Вольфенбюттель. Отец был очень недоволен ее появлением в Вольфенбюттеле и сделал все, чтобы его дочь поехала в Петербург.

В марте 1713 года в его замок Зальцзалум приехал Петр I и неожиданно для всех крайне любезно отнесся к своей разобиженной и своенравной невестке. И Шарлотта растаяла в лучах обаяния своего августейшего свекра.

Жизнь и смерть Софьи-Шарлотты в Петербурге

Через неделю Шарлотта отправилась в Петербург, где ей была приготовлена пышная встреча. Австрийский посол в Петербурге Плейер так описывал ее въезд в город: «Как только карета принцессы достигла берега Невы, появился новый прекрасный баркас с позолоченными бортами, крытый красным бархатом. В лодке находились бояре, которые приветствовали принцессу и должны были перевезти ее через реку. На другом берегу стояли министры и остальные бояре в красивых одеждах, расшитых золотом. Неподалеку невестку ожидала царица. Когда Шарлотта приблизилась, она хотела, как подобает по этикету, поцеловать ее платье, но Екатерина не позволила ей этого, а обняла, поцеловала и поехала вместе с нею в приготовленный для нее дом. Она провела Шарлотту в покои, украшенные коврами, китайскими и другими раритетами. На маленьком столике, покрытом красным бархатом, стояли большие золотые сосуды, наполненные драгоценными камнями и различными украшениями. Это был подарок царя и царицы к приезду невестки».

Жизнь Софьи-Шарлотты в Петербурге началась в собственном дворце, построенном лишь за год до ее приезда. Рядом стояли дворцы любимой сестры царя – Натальи Алексеевны и вдовствующей царицы Марфы Матвеевны, в деви-

честве Апраксиной, чьим мужем был покойный царь Федор Алексеевич. Приехавшую с Шарлоттой свиту разместили по трем небольшим, рядом стоящим домам, а для слуг она сама сняла помещения.

Софья-Шарлотта, приехав в Петербург, не застала мужа дома, так как он еще в мае вместе с Петром ушел на корабле в Финляндию, а по возвращении тотчас же был отправлен на заготовки корабельного леса в Старую Руссу и Ладогу.

Царевич вернулся в Петербург в середине лета и очень обрадовался встрече с женой, которую не видел почти целый год. «Царь очень дружелюбен ко мне, – писала Софья-Шарлотта матери, – во время своего посещения он говорит со мной обо всех весьма важных вещах и заверяет меня тысячу раз в своем расположении. Царица не пропускает случая засвидетельствовать мне свое искреннее внимание. Царевич любит меня страстно, он выходит из себя, если у меня отсутствует что-либо, даже малозначащее, и я люблю его безмерно».

Вскоре после возвращения в Петербург между отцом и сыном произошел один инцидент, красноречиво свидетельствующий об их отношениях. Петр попросил Алексея принести чертежи, которые тот делал, находясь в Германии на учебе. Алексей же чертил плохо, и за него эту работу выполняли другие. Испугавшись, что Петр заставит его чертить при себе, царевич решил покалечить правую руку и попытался прострелить ладонь из пистолета. Пуля пролетела ми-

мо, но ладонь сильно обожгло порохом, и рука все же оказалась повреждена. Когда же Петр спросил, как это случилось, Алексей, из страха перед отцом, не посмел сказать правды.

Попав в старое российское окружение, Алексей почти сразу же отошел от молодой жены, пристрастившись к тому же к рюмке. Вскоре обнаружился у него туберкулез, и врачи посоветовали царевичу ехать в Карлсбад. Летом 1714 года Алексей уехал на воды, оставив Шарлотту в Петербурге на последнем месяце беременности.

Ко времени его отъезда в Карлсбад отношения между мужем и женой испортились, переменились к Шарлотте и многие члены царской семьи.

Царевна Наталья – тетка Алексея Петровича, – не привыкшая терпеть какого-либо прекословия, решила поставить на место «эту немку».

Алексей не заступился за жену, а, напротив, посоветовал ей уехать в Вольфенбюттель.

«Один Бог знает, как глубоко меня здесь огорчают, – писала Софья-Шарлотта отцу и матери, – и вы усмотрели, как мало внимания и любви у него ко мне. Я всегда старалась скрывать характер моего мужа, сейчас маска против моей воли спала. Я несчастна так, что это трудно себе представить и не передать словами, мне остается лишь одно – печалиться и сетовать. Я презренная жертва моего дома, которому я не принесла хоть сколько-нибудь выгоды, и я умру от горя мучительной смертью. Бог знает, как обстоят дела с моей бе-

ременностью, я опасаясь, что это не только следствие болезненного состояния здоровья».

Отношения Софьи-Шарлотты с царицей Екатериной были натянутыми. «Моя свекровь ко мне такова, как я всегда ее себе представляла, и даже хуже», – писала царевна матери в апреле 1715 года, а чуть позже ей же сообщала, что «она хуже всех».

Только в семье вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны к ней относились душевно и ласково.

А самые для нее важные отношения – с собственным мужем, – с каждым днем все более ухудшались. Еще до отъезда в Карлсбад он не раз уверял Софью-Шарлотту, что женился на ней по принуждению, и часто повторял, что ей лучше уехать в Германию.

А когда царевич бывал пьян, что случалось с ним очень часто, то свое сугубое недовольство женой высказывал он и своим собутыльникам, и слугам.

Уехав за границу, он не написал жене ни одного письма, а когда до родов осталось два месяца, Софья-Шарлотта получила письмо от царя, находившегося в это время в Ревеле. Петр писал, чтобы при родах присутствовали три придворных дамы – жены канцлера Головкина и генерала Брюса, а также Авдотья Ржевская, чтобы потом, после того как ребенок родится, опровергать домыслы и сплетни, что он «подменный».

Софья-Шарлотта же подумала, что ее в чем-то подозрева-

ют, но открыто не говорят, и написала царице Екатерине в Ревель: «Надеюсь, что мои страдания скоро прекратятся, теперь я ничего на свете так не желаю, как смерти, и, кажется, это – единственное мое спасение».

А трех приставленных к ней дам посчитала она согла-дательницами и надзирательницами. Дамы поселились рядом с нею и ни на минуту ее не оставляли.

12 июля 1714 года она благополучно родила дочь, назван-ную Натальей, и в тот же день написала царю и царице пись-мо, обещая на другой раз родить сына.

Алексей вернулся из Карлсбада через полгода и только первые дни относился к жене сносно, но потом все пошло по-прежнему, и он даже поселил в их доме свою любовницу Ефросинью. Дом был большой, Шарлотта жила на левой его половине, царевич – на правой, и супруги виделись друг с другом не чаще одного раза в неделю. Причем визиты нано-сил только Алексей, а Софья-Шарлотта никогда не бывала на его половине.

Царевич, если и оставался на ночь у своей жены, то толь-ко тогда, когда был пьян, а это стало происходить с ним все чаще и чаще.

Под влиянием винных паров он бывал то злее обычного, то, наоборот, мягче и даже становился нежным и ласковым. Как бы то ни было, но в феврале 1715 года Софья-Шарлотта вновь забеременела и в ночь на 12 октября родила мальчика, которого называли Петром.

Роды были необычайно тяжелыми. Присутствующие при них четыре лейб-медика Петра сразу же поняли, что процесса едва ли выживет.

Врачи старались, как могли, но их усилия успехом не увенчались: через десять дней молодая мать умерла, судя по описанию врачей, от общего заражения крови. Алексей в момент ее смерти был рядом и несколько раз падал в обморок.

Есть свидетельства, что Софья-Шарлотта после родов отказывалась от пищи и питья, называла лечивших ее докторов палачами, говорила, что они только мучат ее, а она хочет лишь одного – спокойно умереть. 22 октября 1715 года она скончалась.

Австрийский посол Плейер сообщал в Вену, что Софья-Шарлотта умерла от непереносимых огорчений, которые она постоянно испытывала в России.

Ее похоронили 27 октября в еще не достроенном Петропавловском соборе.

Если же мы задумаемся над тем, из-за чего царевич терял сознание, то главной причиной такой его душевной слабости окажется не только кончина жены. Дело было и в том, что незадолго до смерти Софьи-Шарлотты царевич завел роман с крепостной служанкой своего первого учителя Никифора Вяземского – Ефросиньей Федоровной.

Это был единственный любовный сюжет в жизни Алексея Петровича, влюбившегося в Ефросинью до такой степени, что впоследствии он просил даже позволения жениться на

ней, предварительно выкупив Ефросинью и ее брата Ивана на волю у их хозяина.

Софья-Шарлотта, зная о связи мужа с Ефросиньей, на смертном одре с горечью проговорила, что «найдутся злые люди, вероятно, и по смерти моей, которые распустият слух, что болезнь моя произошла более от мыслей и внутренней печали», явно имея в виду и виновников этой «внутренней печали».

Петру, конечно же, сообщили о словах его умирающей невестки, и царевич страшно боялся отцовского гнева. Но еще более стал Алексей опасаться ярости Петра после того, как на поминках Софьи-Шарлотты отец сам вручил ему грозное письмо, подобного которому доселе еще не бывало.

Переписка отца и сына и ее последствия

Петр писал Алексею, что радость побед над шведами «едва не равная снедает горесть, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребного». Петр упрекал сына в том, что он не любит военного дела, которое, по его словам, является одним из двух необходимых для государства дел, наряду с соблюдением порядка внутри страны.

Далее Петр писал: «Сие представя, обращуся паки на первое, о тебе рассуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому насажденное и взращенное оставлю? Тому ленивому рабу евангельскому, закопавшему талант свой в землю? Еще и то воспомяну, какого злого нрава и упрямства ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранил, и даже бивал, к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобою, но ничто на тебя не действует, все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только бы дома жить и им веселиться. Однако ж всего лучше безумный радуется своей беде, не ведая, что может от того следовать не только ему самому, то есть тебе, но и всему государству? Истинно пишет святой Павел: „Как может править Церковью тот, кто не радеет и о собственном доме?“

Обо всем этом, с горестью размышляя и видя, что ничем

не могу склонить тебя к добру, я посчитал за благо написать тебе сей последний testament и подождать еще немного, если нелицемерно обратишься. Если же этого не случится, то знай, что я тебя лишу наследства, яко уд гангренный. И не мни себе, что один ты у меня сын, и что все сие я только в острастку пишу: воистину исполню, ибо если за мое Отечество и людей моих не жалел и не жалею собственной жизни, то как смогу тебя, непотребного, пожалеть? Пусть лучше будет хороший чужой, нежели непотребный свой».

Отвечая отцу, Алексей во всем соглашался с Петром и просил лишить его права наследования престола, ссылаясь на слабость здоровья и плохую память, утверждая, что «не потребен к толикого народа правлению, что требует человека не такого гнилого, как я».

К тому же за три дня перед тем, как Алексей написал это письмо, Екатерина Алексеевна родила очередного ребенка. Это был мальчик, и потому Алексей писал Петру, что так как у него теперь есть еще один сын, он может сделать наследником престола своего нового сына. В заключение Алексей клялся в том, что никогда не заявит своих прав на престол, а для себя просил лишь «до смерти пропитания».

Это письмо составил он по совету своих ближайших друзей – Александра Кикина и князя Василия Долгорукого. Причем последний сказал Алексею: «Давай писем хоть тысячу. Еще когда что будет. Старая пословица: „Улита едет коли то будет“. Это не запись с неустойкой, как мы прежде

давали друг другу», намекая на то, что его отказ от престола пустая отговорка и что только реальный ход событий определяет, на чьей стороне окажется Фортуна.

Петр, по-видимому, узнал и об этом и 19 января 1716 года отправил Алексею еще одно письмо, в котором писал, что клятвам его не верит, потому что если бы он сам и хотел поступать честно, то сделать это не позволят ему «большие бороды, которые ради тунеядства своего, ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому же, чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогает ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дела мои, которые я делаю для своего народа, не жалея своего здоровья. И, конечно же, после меня ты разорителем этого будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но, или перемени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах»...

Когда Алексей прочитал это письмо Кикину, тот сказал: «Да ведь клобук-то не гвоздем к голове прибит». И после этого Алексей попросил отца отпустить его в монастырь.

А еще через неделю Петр вновь отправился на воды в Карлсбад, взяв с собою, между прочими, и Александра Кикина. Перед отъездом он навестил сына и еще раз попросил его, не торопясь, в течение полугода обдумать: быть ему наследником или монахом. А Кикин, прощаясь с Алексеем,

шепнул ему, что, находясь в Европе, найдет царевичу какое-нибудь потайное место, где ему можно будет укрыться, бежав из России. 26 августа 1716 года Петр послал Алексею письмо все с тем же вопросом. И написал, что если Алексей хочет остаться наследником престола, то пусть едет к нему и сообщит, когда выезжает из Петербурга, а если – монахом, то скажет о сроке принятия пострига. Заканчивал же он письмо свое так: «О чем паки подтверждаем, чтобы сие конечно (т. е. окончательно. – *В. Б.*) учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь в обыкновенном своем неплотии».

Алексей решил ехать к Петру и, взяв с собою Ефросинью Федоровну, ее брата Ивана и трех слуг, 26 сентября 1716 года оставил Петербург, намереваясь по дороге встретиться с Кикиным и узнать, где ему найдено убежище и пристанище. Встреча произошла в Митаве, Кикин сказал, что царевича ждут в Вене и цесарь примет его, как сына, обеспечив ежемесячной пенсией в три тысячи гульденов. После беседы с Кикиным Алексей решился. Проехав Данциг, он исчез.

Странствия царевича Алексея и охота на него

Через два месяца Петр распорядился начать поиски беглеца. Генерал Адам Вейде, стоявший с корпусом в Мекленбурге, русский резидент в Вене Абрам Веселовский, майоры Шарф и Девсон отправились на поиски Алексея. Более прочих повезло Веселовскому. Хорошо зная европейские обычаи, он, проезжая через Данциг на юг, расспрашивал – конечно же, за денежную мзду – о русском офицере с женою и четырьмя служителями (четвертым был брат Ефросиньи Иван) у воротных писарей, а потом и у хозяев гостиниц. И так, двигаясь от Данцига на юг, Веселовский обнаружил следы Алексея, ехавшего под именем подполковника Кохановского, в разных городах и гостиницах. Во Франкфурте-на-Одере царевич останавливался в «Черном орле», в Бреслау – в «Золотом гусе», в Праге – в «Золотой горе», и наконец в Вене 20 февраля 1717 года Веселовский нашел человека, референта Тайной конференции Дольберга, который сказал, что Алексей находится во владениях австрийского императора инкогнито и с помощью нескольких офицеров его можно похитить и увезти.

Алексей и его спутники приехали в Вену в ноябре 1716 года глубокой ночью. Не останавливаясь в гостинице, царевич явился в дом вице-канцлера Шенборна, который уже лег спать. Алексея долго не пускали к вице-канцлеру, предлагая подождать до утра, но царевич так боялся погони и ареста, что добился встречи с Шенборном среди ночи. Бега по комнате, где происходило рандеву, Алексей кричал:

– Император должен спасти меня и обеспечить мои права на престол! Я слабый человек, но так воспитал меня Меншиков, с намерением расстраивая мое здоровье пьянством. Теперь, говорит мой отец, я не гожусь ни для войны, ни для правления, однако же у меня достаточно ума, чтобы царствовать. А меня хотят заточить в монастырь, куда я идти не хочу! Император должен спасти меня!

Алексей более всего рассчитывал на свое родство с императором, который был женат на родной сестре его покойной жены Софьи-Шарлотты и таким образом доводился ему шурином, а дети Алексея – Наталья и Петр – были родными племянниками императрицы.

Карл VI Габсбург немедленно собрал Тайную конференцию и решил сохранить пребывание Алексея в секрете. Затем он распорядился отвезти его сначала в местечко Вейербург под Веной, а оттуда в крепость Эренберг, расположен-

ную в земле Тироль, в Альпах.

Объясняя причину своего столь бедственного положения, Алексей сводил все к проискам непомерно честолюбивых и властолюбивых главных своих врагов Екатерины и Меншикова, поставивших своей общей целью во что бы то ни стало погубить его, чтобы на троне после смерти Петра оказалась Екатерина или кто-то из ее детей, а Меншиков был бы при них верховным управителем.

Алексей и его спутники с большой радостью поехали в Эренберг. Для сохранения тайны их всех переодели простолюдинами и посадили не в экипажи, а на крестьянские телеги, настрого наказав соблюдать в пути абсолютное инкогнито и во все время пути ни слова не произносить по-русски.

Однако же, останавливаясь на ночлег, Алексей и вся его компания много пили, шумели и бросались в глаза необычным для австрийцев поведением. Наконец, на восьмой день пути, проехав шестьсот верст, они добрались до крепости Эренберг, одиноко возвышавшейся на вершине высокой и крутой горы. Крепость лежала вдали от больших дорог и была идеальным местом для сохранения царевича от любопытных глаз. Эренбергский комендант, генерал Рост, получил от австрийского императора инструкцию о строжайшей изоляции «некоторой особы». Причем эта «особа» не должна была иметь никаких сообщений, не могла уйти, и само место ее заключения должно было остаться для всех «непроницаемою тайной». Император предупредил Роста, что если его

приказ хоть в чем-то будет нарушен, то он, Рост, будет лишен имени, чести и жизни.

Инструкция предписывала не менять ни одного солдата в гарнизоне, пока узники будут там, и категорически, под страхом смерти, запрещала и солдатам, и их женам выходить из крепости. Если же главный арестант захочет писать письма, то можно ему разрешить это при одном условии: отправлять их будет сам комендант через Вену.

Меж тем Веселовский, все через того же Дольберга, узнал о месте пребывания Алексея. Это случилось 23 марта 1717 года, на четвертый день после приезда в Вену денщика Петра капитана гвардии Александра Румянцева и трех офицеров, приданных ему в помощники.

Узнав от Веселовского о месте пребывания Алексея, Румянцев немедленно выехал в Тироль и там доподлинно выяснил, где скрывают русского царевича.

О происках Румянцева вскоре узнали австрийцы и, спасая Алексея, предложили ему тайно переехать в Неаполь. Что же касается слуг и Ивана Федорова, то им было велено остаться в Эренберге, потому что передвижение их целой группой скрыть было невозможно. К тому же император не хотел лишних нареканий за то, что скрывает у себя «непотребных людей».

Переодев Ефросинью в одежду мальчика-пажа, Алексей вместе с нею в три часа ночи выехал из Эренберга, но все старания обмануть бдительных петровских соглядатаев ока-

зались напрасными: Румянцев уже несколько дней находился под чужим именем в соседней с Эренбергом деревне Рейтин, где проживал и комендант крепости генерал Рост. Почти сразу же Румянцев узнал от одного из гостей Роста – офицера из Вены, что таинственного узника увезли из Эренберга в Неаполь. И хотя царевич и Ефросинья доехали до Неаполя благополучно, но главного – сохранения места их пребывания в тайне – они не добились, потому что по пятам за ними скакал Румянцев.

Алексея и Ефросинью поместили в замке Сент-Эльм, стоящем на вершине горы, господствующей над городом, где они и прожили пять месяцев до осени 1717 года.

Однако не прошло и двух месяцев, как им стало ясно, что и новое их убежище раскрыто: летом в Вене появились тайный советник граф Петр Андреевич Толстой и капитан Румянцев и передали императору Карлу VI письмо Петра с просьбой о выдаче ему сына.

Судьба Екатерины Ивановны и Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского

Мы расстались с Петром полтора года назад, в конце января 1716 года, когда он, простившись с Алексеем, отправился в самое длительное в его жизни путешествие, продолжавшееся более полутора лет. Поэтому все, что случилось с Алексеем, происходило в то время, когда Петр был за границей.

Проехав через Ригу, Петр остановился в Данциге, где собирались полномочные представители стран Северной Европы – союзники России по антишведской коалиции: Дании, Пруссии, Ганновера, Польши и Саксонии. Это были государства, входившие в так называемый Северный Союз. Прибывшие в Данциг дипломаты намерены были расширить Северный Союз за счет герцогства Мекленбург, чей сюзерен, герцог Карл-Леопольд, выразил желание присоединиться к антишведской коалиции. Вместе с царем на корабле, шедшем из Петербурга, были царица Екатерина Алексеевна и племянница Петра – старшая дочь его покойного брата Ивана царевна Екатерина Ивановна.

Царица почти всегда сопровождала своего мужа и в походах, и в поездках, что же касается его племянницы, то ее присутствие было вызвано особенным обстоятельством – Екате-

рина Ивановна была просватана за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда и плыла в Данциг, чтобы стать там его женой.

Екатерина Ивановна появилась на страницах этой книги, когда шла речь о ее матери, вдовствующей царице Прасковье Федоровне, переехавшей весной 1708 года в Петербург. Двумя годами позже девятнадцатилетняя Екатерина Ивановна присутствовала на свадьбе своей семнадцатилетней сестры Анны с герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом.

Как уже говорилось, герцог по дороге в Курляндию скончался, и Анна Ивановна, после двух месяцев семейной жизни оставшись вдовой, проживала то в Митаве, то в Петербурге, то в подмосковном селе Измайловском.

А Екатерина жила с матерью – царицей Прасковьей Федоровной, то в Петербурге, то в Измайлове.

Была она маленького роста, очень пухленькая, с необыкновенно черными глазами и волосами цвета воронова крыла. Она отличалась чрезмерной болтливостью, громким и частым смехом и великим легкомыслием. К тому же с юных лет знали ее как особу ветреную, склонную к любовным утехам с кем попало: лишь бы был ее герой хорош собой и силен, как мужчина. Ей было все равно: князь ли перед ней, паж или слуга.

Камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Бергольц, уроженец Голштинии, называл ее «женщиной чрезвычайно веселой, которая говорит все, что взбретет ей в голову».

Когда Екатерине Ивановне исполнилось 24 года, ее дядя – царь Петр – решил выдать ее замуж за Мекленбург-Шверинского герцога Карла-Леопольда.

История сватовства была не совсем обычной: в январе 1716 года к Петру попросился на прием мекленбургский советник Габихсталь и передал царю письмо своего господина, в котором тот просил руки вдовствующей герцогини Курляндской Анны Ивановны.

Однако Петр, руководствуясь собственными соображениями, предложил ему руку Екатерины Ивановны.

В тот же вечер царь объявил Екатерину Ивановну невестой Карла-Леопольда и сообщил Габихсталью, что в ближайшие дни поедет в Данциг.

Пока Петр был еще в Петербурге, Габихсталь и русский представитель, вице-канцлер Павел Шафиров, заключили свадебный контракт, по которому герцог Карл-Леопольд обязывался немедленно вступить в брак, с подобающим торжеством, в том месте, какое будет назначено по взаимному соглашению. Екатерина, как и все ее русские слуги, останется православной, а в ее резиденции будет сооружена православная церковь. Герцог обязывался ежегодно выплачивать жене 6000 ефимков денег, а если умрет раньше ее, то закрепит за нею замок Гистров с ежегодным доходом в 25 000 ефимков. (В России «ефимком» называли немецкую монету «иоахимсталер».)

Петр обещал дать невесте 200 000 рублей приданого. Кро-

ме того, он обязался отбить у шведов Висмар с Барнемюнде, который отошел от Мекленбурга к Швеции еще 70 лет назад по Вейстфальскому миру 1648 года.

К свадебному контракту был приложен особый «сепаратный артикул», в котором Габихсталь брал обязательство до свадьбы герцога предъявить точное доказательство, что герцог разведен с первой женой.

Почему же этот «сепаратный артикул» здесь появился? А дело было в том, что Карл-Леопольд, вступая в брак с Екатериной Ивановной, еще не развелся со своей первой женой Софией-Гедвигой, принцессой Нассау-Фрисландской.

Герцог, хотя уже и не жил с нею, но еще и не развелся, потому что на развод у него просто не было времени: он беспрерывно воевал со своими подданными, которых считал заговорщиками и своими потенциальными убийцами. С таким сбродом, считал Карл-Леопольд, нельзя церемониться, и потому он без суда и следствия хватал кого угодно и, попирая собственные законы, бросал в тюрьмы и посылал на эшафот.

Ко всему прочему, был он очень жаден и скуп. Его любимой поговоркой была такая: «Старые долги не надо платить, а новым нужно дать время состариться».

В Петербурге знали об этом, и Прасковья Федоровна умоляла Петра выдать Екатерину Ивановну замуж в его присутствии, строго наказав герцогу, чтоб он берег жену.

27 января 1716 года Петр, царица Екатерина Алексеевна, царевна Екатерина Ивановна и немалая их свита вышли из

Кронштадта на корабле в море и взяли курс на Данциг.

Корабль пришел в Данциг 1 марта. В это время герцога здесь не было, но царская фамилия была встречена со всеми почестями. До приезда герцога в Данциг царь, царица и Екатерина Ивановна остановились во дворце епископа Эрм-Ландского князя Потоцкого. Наконец на седьмой день, 8 марта, в Данциг из столицы Мекленбурга-Шверина приехал Карл-Леопольд. Петр обнял и поцеловал его, а герцог сразу же стал вести себя перед царем откровенно покорно и даже униженно. Однако по отношению к августейшим дамам – двум Екатеринам – был он меланхоличен и подчеркнуто холоден.

Следующие дни у каждого из героев этой истории проходили по-разному: Екатерине Ивановне показывали местные достопримечательности – замки, музеи, богатые дома и окрестности Данцига.

Петр проводил время по большей части среди солдат и офицеров своего корпуса, размещавшегося неподалеку от Данцига, и на кораблях большого русского флота, стоявшего у Балтийского побережья.

Сопровождавшие его дипломаты – вице-канцлер Шафиров, Головкин и Толстой – делили время между работой над русско-мекленбургским союзным договором и составлением брачного контракта.

Тем временем в Данциг приехал Август II Сильный, и в его честь в Данциге началась новая череда пиров и балов.

А между Петром и Карлом-Леопольдом наступило охлаждение, да и Екатерина Ивановна увидела в нем бездушного эгоиста и самодура. И все же свадьба состоялась. 8 апреля герцог нанес визит Петру, где застал и польского короля. Петр вручил ему орден Андрея Первозванного, а затем все присутствующие вместе с Екатериной Ивановной и царицей отправились в наскоро построенную рядом небольшую православную часовню.

Там молодых обвенчал православный архиерей – духовник Екатерины Ивановны, приплывший с нею в Данциг, и оттуда все, кто был при венчании, пошли во дворец герцога, тоже оказавшийся совсем неподалеку.

Свадебное пиршество было довольно скромным и малолюдным.

Сохранилось свидетельство обер-маршала герцога Эйхгольца, что Карл-Леопольд среди ночи ушел из спальни, почувствовав, что не может выполнить своего супружеского долга.

Через несколько дней молодожены уехали в Шверин, чтобы подготовиться к приезду туда Петра.

Приехав вскоре в Шверин, Петр крайне удивил встречавших его придворных герцога и самого молодого супруга весьма дерзким поступком. Едва завидев свою миловидную молодую племянницу, Петр бросился к ней и, не обращая внимания ни на герцога Карла, ни на сопровождавших его особ, обхватил Екатерину Ивановну за талию и увлек в

спальню. «Там, – пишет осведомленный двумя очевидцами этого происшествия барон Пельниц, – положив ее на диван, не запирая дверей, поступил с нею так, как будто ничто не препятствовало его страсти». Едва ли подобное могло случиться, если бы дядя и племянница не были до того в любовной кровосмесительной связи...

Петр уехал из Шверина в Гамбург, оттуда на северогерманский курорт Пирмонт, затем в Копенгаген и оттуда поздней осенью 1716 года вернулся в Шверин, где предстояли переговоры о возможном сепаратном мире со Швецией.

Здесь он узнал, что брак его племянницы несчастен: за минувшие полгода Екатерина Ивановна вполне в этом убедилась.

(К ее жизни в Шверине мы еще вернемся, а теперь нам предстоит узнать, что происходило с сыном Петра – царевичем Алексеем после того, как император Карл VI Габсбург предоставил русским беглецам замок Сент-Эльм.)

Облава на царевича

Уехав из Шверина, Петр продолжал путешествовать по Европе. За последние месяцы 1716 года и за девять месяцев 1717-го он побывал в Пруссии, Голландии, Франции и Бельгии, после чего в октябре 1717 года вернулся в Петербург.

Почти все время, пока находился он за границей, царь неотступно следил за тем, как идут поиски беглого сына, и делал все, чтобы заполучить Алексея в свои руки.

А события, связанные с возвращением Алексея Петровича, между тем развивались так: летом 1717 года в Вене появились полномочные эмиссары русского царя – тайный советник Петр Толстой и капитан гвардии Алексей Румянцев, сопровождавшие государя в его поездке по Европе.

Они приехали сюда из бельгийского курортного города Спа, где Петр вручил им 1 июля инструкцию относительно всего, что им предстояло сделать. Затем 10 июля Петр добавил к инструкции свое письмо к Карлу VI, в котором просил императора передать царевича в руки тайного советника Толстого, приведя убедительные юридические и моральные доводы.

29 июля Толстой вручил письмо императору, но Карл, прочитав послание, заявил, что письмо показалось ему недостаточно ясным и ему требуется какое-то время, чтобы правильно истолковать просьбу царя.

Не дожидаясь ответа, Толстой на следующий день заехал к герцогине Вольфенбюттельской – матери покойной жены Алексея Софьи-Шарлотты, вторая дочь которой, родная сестра Софьи-Шарлотты и, следовательно, свояченица Алексея, была женой императора Карла.

Герцогиня, выслушав Толстого, обещала сделать все, чтобы помирить Петра и Алексея, но Толстой сказал, что примирение возможно только в одном случае, – если Алексей согласится вернуться в Россию.

7 августа император позвал к себе трех своих тайных советников для решения этого вопроса, и они согласились, что все следует предоставить воле царевича. А 12 августа Толстому и Румянцеву разрешено было ехать в Неаполь для встречи с Алексеем. Из-за непрерывных проливных дождей агенты Петра добрались до Неаполя лишь 24 сентября.

На следующий день их принял вице-король Неаполя Вирх-Филипп-Лоренц, граф Даун, князь Тиана, и предложил на завтра устроить свидание с Алексеем у него во дворце и при его, Дауна, присутствии, придав всему характер непринужденной дружеской встречи. Однако как только Алексей увидел Толстого и Румянцева, несмотря на присутствие гостеприимного хозяина дома, затрепетал от страха, а посланцы Петра с места в карьер стали решительно требовать от Алексея покориться отцовской воле и немедленно ехать в Россию.

После первой встречи последовали еще три, во время ко-

торых ласки и посулы сменялись угрозами. Наконец, во время пятой встречи, 3 октября, царевич согласился ехать домой, после того как Толстой сказал ему: Петр не остановится даже перед тем, чтобы применить силу оружия против Австрии, но все равно добудет непокорного изменника-сына.

Согласившись ехать, Алексей попросил только об одном – разрешить ему обвенчаться с Ефросиньей, которая была на четвертом месяце беременности. Петр разрешил, в частности и потому, что именно Ефросинья уговорила Алексея возвратиться в Россию.

Съездив в расположенный неподалеку от Неаполя город Бари и поклонившись там мощам святого чудотворца Николая Мирликийского, Алексей 14 октября отправился на родину. Ефросинья сначала ехала вместе с Алексеем, но потом отстала, чтобы продолжать путь не спеша и не подвергать себя опасности выкидыша или неблагополучных родов.

Алексей с дороги писал ей письма, пронизанные любовью и заботой. Он советовал Ефросинье обращаться к врачам и аптекарям, беспокоился, удобный ли у нее экипаж, тепло ли она одета, посылал ей немалые деньги, а потом послал и бабок-повитух, которые могли бы хорошо принять роды.

Проехав Италию, Австрию и немецкие земли, Алексей через Ригу, Новгород и Тверь 31 января 1718 года прибыл в Москву. А Ефросинья в середине апреля приехала в Петербург и недели через две должна была родить ребенка. Однако о ее родах и о том, кто именно родился – мальчик или

девочка, — нет никаких сведений.

Зато хорошо известно, как ждал ее Алексей Петрович, как надеялся, что отец все-таки разрешит им обвенчаться и позволит жить вместе, частной жизнью, в одной из деревень под Москвой. Но ничему этому не суждено было стать. Как только Ефросинья вернулась в Петербург, ее тут же арестовали, посадили в крепость и приступили к допросам. Правда, ее ни разу не пытали, а Петр всячески выказывал ей свои симпатии. Это объясняли тем, что данные Ефросиньей показания окончательно погубили царевича. Ей, конечно же, запретили и думать о венчании, а свидания ее с Алексеем происходили только во время очных ставок в застенках Преображенского приказа.

А царевич, сразу же после приезда в Москву, 3 февраля был приведен в Столовую палату Теремного Кремлевского дворца и в присутствии генералитета, министров и высших церковных иерархов пал перед Петром на колени и отрекся от прав на престол, попросив у отца «жизни и милости». Петр обещал сохранить ему жизнь, если он откроет имена всех участников побега, на что Алексей немедленно согласился и тут же назвал всех сообщников.

В Преображенский приказ прежде всего были доставлены главные сообщники Алексея — Кикин, Вяземский, Афанасьев и Долгорукий, а вслед за ними на допросах и пытках оказалось более пятидесяти человек.

Следствие, начавшееся в феврале 1718 года, продолжа-

лось до середины июня, когда после очных ставок Алексея и Ефросиньи была установлена «сугубая вина» царевича и он сам попал в каземат Петропавловской крепости, а затем и был подвергнут пыткам.

Царевич Алексей и его сообщники

На допросах Алексей назвал имена более чем пятидесяти своих подлинных и мнимых сообщников, и розыск начался сразу в трех городах: Петербурге, Москве и Суздале, там, где находились названные царевичем люди.

В Суздаль был направлен капитан-поручик Преображенского полка Григорий Скорняков-Писарев с отрядом солдат. 10 февраля 1718 года в полдень он прибыл в Покровский монастырь, оставив солдат неподалеку от обители.

Скорняков сумел незамеченным пройти в келью к Евдокии и застал ее врасплох, отчего она смертельно испугалась. Евдокия была не в монашеском одеянии, а в телогрее и повойнике, что потом ставилось ей в вину, ибо было сугубым нарушением монашеского устава.

Оттолкнув бледную и потерявшую дар речи Евдокию, Скорняков коршуном бросился к сундукам и, разворошив лежащие там вещи, нашел два письма, свидетельствующие о переписке Евдокии с сыном. После этого в Благовещенской церкви найдена была записка, по которой Лопухину поминали «Благочестивейшей великой государыней нашей, царицей и Великой княгиней Евдокией Федоровной» и желали ей и царевичу Алексею «благоденственное пребывание и мирное житие, здравие же и спасение и во все благое поспешение ныне и впредь будущие многие и несчетные лета, во бла-

гополучном пребывании многая лета здравствовать».

14 февраля, арестовав Евдокию и многих ее товарок, а также нескольких замешанных в ее деле священников и монахов-мужчин, Скорняков повез их всех в Преображенский приказ в Москву. 16 февраля начали строгий розыск, прежде всего обвиняя Евдокию в том, что она сняла монашеское платье и жила в монастыре не по уставу – мирянкой. Отпираться было невозможно, ведь Скорняков самолично застал Евдокию в мирском платье. А дальше дела пошли еще хуже, – привезенная вместе с другими монахинями старица-казначей Маремьяна рассказала о том, что к Евдокии много раз приезжал Степан Глебов и бывал у нее в келье не только днем, но и оставался на всю ночь до утра.

Показания Маремьяны подтвердила и ближайшая подруга Евдокии монахиня Каптелина, добавив, что «к ней, царице-старице Елене, езживал по вечерам Степан Глебов и с нею целовались и обнимались. Я тогда выхаживала вон; письма любовные от Глебова она принимала, и к нему два или три письма писать мне велела».

После этого Глебова арестовали, и проводивший арест и обыск гвардии капитан Лев Измайлов нашел у него конверт, на котором было написано: «Письма царицы Евдокии», а внутри оказалось девять писем.

Во многих из них Евдокия просила Глебова уйти с военной службы и добиться места воеводы в Суздале; во многих, проявляя ум и практическую сметку, советовала, как добиться

ся успеха в том или ином деле, но общий тон писем таков, что позволяет утверждать об огромной любви и полном единомыслии Евдокии и Степана.

«...Где твой разум, тут и мой; где твое слово, тут и мое; где твое слово, тут и моя голова: вся всегда в воле твоей!»

А теперь, сохраняя и слог, и орфографию подлинников, приведу несколько отрывков из писем Евдокии Глебову, равных которым я не встречал в эпистолярном любовном наследии России. Может быть, я и не прав, ибо за тысячу лет томлений и вздохов сколько было сказано разных фраз и сколько и каких было написано слов, и все же письма Евдокии Глебову, безусловно, – выдающийся образец этого великого жанра.

Впрочем, судите сами.

«Чему-то петь быть, горесть моя, ныне? Кабы я была в радости, так бы меня и дале сыскали; а то ныне горесть моя! Забыл скоро меня! Не умилиствовали тебя здесь ничем. Мало, знать, лице твое, и руки твоя, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих, мало слезами моими мы не умели угодное сотворить...»

«Не забудь мою любовь к тебе, а я уже только с печали дух во мне есть. Рада бы была я смерти, да негде ее взять. Пожалуйте, помолитесь, чтобы Бог мой век утратил. Ей! Рада тому!»

«Свет мой, батюшка мой, душа моя, радость моя! Знать уж злопроклятый час приходит, что мне с тобою расставать-

сы! Лучше бы мне душа моя с телом разсталась! Ох, свет мой! Как мне на свете быть без тебя, как живой быть? Уже мое проклятое сердце да много слышало нечто тошно, давно мне все плакало. Аж мне с тобою, знать, будет растиаться. Ей, ей, сокрушаюсь! И так, Бог весть, каков ты мне мил. Уж мне нет тебя милее, ей-Богу! Ох, любезный друг мой! За что ты мне таков мил? Уже мне ни жизнь моя на свете! За что ты на меня, душа моя, был гневен? Что ты ко мне не писал? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя; а я такой же себе сделала; то-то у тебя я его брала... Для чего, батяка мой, не ходишь ко мне? Что тебе сделалось? Кто тебе на меня что намутил? Что ты не ходишь? Не дал мне на свою персону насмотреться! То ли твоя любовь ко мне? Что ты ко мне не ходишь? Уже, свет мой, не к кому тебе будет и придти, или тебе даром, друг мой, я. Знать, что тебе даром, а я же тебя до смерти не покину; никогда ты из разума не выйдешь. Ты, мой друг, меня не забудешь ли, а я тебя ни на час не забуду. Как мне будет с тобою разстаться? Ох, коли ты едешь, коли меня, батюшка мой, ты покинешь! Ох, друг мой! Ох, свет мой, любонка моя! Пожалуй, сударь мой, изволь ты ко мне приехать завтра к обедне переговорить кое-какое дело нужное. Ох, свет мой! любезный мой друг, лапушка моя; скажи, пожалуй, отпиши, не дай мне с печали умереть... Послала к тебе галздук (галстук, т. е. шейный платок. — В. Б.), носи, душа моя! Ничего ты моего не носишь, что тебе ни дам я. Знать, я тебе не мила! То-то ты моего не носишь. То ли

твоя любовь ко мне? Ох, свет мой; ох, душа моя; ох, сердце мое надселося по тебе! Как мне будет твою любовь забыть, будет так, не знаю я; как жить мне, без тебя быть, душа моя! Ей, тошно, свет мой!»

«Послала я, Степашенька, два мыла, что был бы бел ты...»

«Ах, друг мой! Что ты меня покинул? За что ты на меня прогневался? Что чем я тебе досадила? Кто мя, бедную, обиде? Кто мое сокровище украде? Кто свет от очию моею отьиме? Кому ты меня покидаешь? Кому ты меня вручаешь? Как надо мною не умилился? Что, друг мой, назад не поворотишься? Кто меня, бедную, с тобою разлучил?.. Ох, свет мой, как мне быть без тебя? Как на свете жить? Как ты меня сокрушил!.. Ради Господа Бога, не покинь ты меня, сюды добивайся. Эй! Сокрушаюся по тебе!»

«Радость моя! Есть мне про сына отрада малая. Что ты меня покидаешь? Кому меня вручаешь? Ох, друг мой! Ох, свет мой! Чем я тебя прогневала, чем я тебе досадила? Ох, лучше бы умерла, лучше бы ты меня своими руками схоронил! Что я тебе злобствовала, как ты меня покинул? Ей, сокрушу сама себя. Не покинь же ты меня, ради Христа, ради Бога! Прости, прости, душа моя, прости, друг мой! Целую я тебя во все члены твои. Добейся, ты, сердце мое, опять сюды, не дай мне умереть... Пришли, сердце мое, Стешенька, друг мой, пришли мне свой камзол, кой ты любишь; для чего ты меня покинул? Пришли мне свой кусочек, закуся... Не забудь ты меня, не люби иную. Чем я тебя так прогневала,

что меня оставил такую сирую, бедную, несчастную?»

Эти письма были приобщены к делу в качестве тяжелой улики против Евдокии и Глебова. Мне кажется, не имеет ни малейшего смысла их комментировать, ибо они лучше кого бы то ни было, – будь то средневековые судьи или современные ученые-историки, – говорят сами за себя устами и сердцем несчастной царицы-инокини.

...20 февраля в селе Преображенском, в застенке, была учинена очная ставка Глебову и Евдокии. Сохранились протоколы допросов и описание следственной «процедуры».

Глебова спрашивали: почему и с каким намерением Евдокия скинула монашеское платье? Видел ли он письма к Евдокии от царевича Алексея и не передавал ли письма от сына к матери и от матери к сыну? Говорил ли о побеге царевича с Евдокией? А также спрашивали и о мелочах: через кого помогал Евдокии? Чем помогал? Зачем письма свои писал «азбукой цифирной» – то есть шифром?

И затем следует меланхолическое замечание:

«По сим допросным пунктам Степаном Глебовым 22 февраля розыскивано: дано ему 25 ударов (кнутом). С розыску ни в чем не винулося кроме блудного дела...» (А от «блудного дела» при наличии писем и показаний десятков свидетелей отпереться было невозможно.)

Тогда приступили к «розыску». Глебова раздели донага и поставили босыми ногами на острые, но не оструганные по бокам деревянные шипы. Толстая доска с шипами была

пододвинута к столбу, и Глебова, завернув руки за спину, приковали к нему. Глебов стоял на своем.

Тогда ему на плечи положили тяжелое бревно, и под его тяжестью шипы пронзили насквозь ступни Глебова.

Глебов ни в чем, кроме блуда, не сознавался.

Палачи стали бить его кнутом, обдирая до костей. Считалось, что после этого любой человек скажет все, что от него ждут. Недаром у заплечных дел мастеров в ходу была поговорка, в верности которой они не сомневались: «Кнут не Бог, но правду сыщет». Кожа летела клочьями, кровь брызгала во все стороны, но Глебов стоял на своем.

Тогда к обнажившемуся окровавленному телу стали подносить угли, а потом и раскаленные клещи.

Глебов, теряя сознание, сползал со столба, но вину оставлял за собой.

Сегодня это может показаться невероятным, но майора Преображенского полка, богатыря и великана Глебова, пытали трое суток, лишь на некоторое время давая прийти в себя.

И все это видела Евдокия.

В первый день допроса после трехкратной пытки в протоколе против первого вопроса появилась запись: «Запирается».

И такая запись стоит против всех заданных Глебову вопросов. А было их шестнадцать. И каждый из этих вопросов касался участия Глебова, Евдокии и ее родственников в за-

говоре, против Петра с целью возвести на престол царевича Алексея. Следователи во что бы то ни стало хотели представить Евдокию государственной преступницей, злоумышлявшей против государя и государства.

Но Глебов отрицал все и не дал палачам ни малейшей возможности обвинить Евдокию в чем-либо, кроме очевидного греха – блудодеяния.

После трехсуточного розыска Глебова отнесли в подвал и положили на шипы, которыми были усеяны пол и стены камеры. А потом снова повели на правеж, но так ничего и не добились.

И тогда в дело вмешались врачи. Они вступились за Глебова, предупреждая, что он почти при смерти и может скончаться в течение ближайших суток, так и не дотянув до казни.

Вняв их предупреждению, 14 марта Глебову был вынесен приговор, в котором не говорилось, как он будет казнен, но указывалось: «Учинить жестокую смертную казнь».

О казни Глебова и его сообщников – Досифея, Федора Пустынника и других, знавших о его любовной связи с Евдокией, – сохранилось свидетельство австрийского посланника Плейера императору Карлу VI.

Плейер писал, что Глебова привезли на Красную площадь в три часа дня 15 марта. Стоял тридцатиградусный мороз, и, чтобы наблюдать длительную и мучительную казнь до конца, Петр приехал в теплой карете и остановился напротив ме-

ста казни. Рядом стояла телега, на которой сидела Евдокия, а возле нее находились два солдата. Солдаты должны были держать ее за голову и не давать ей закрывать глаза.

Глебова раздели донага и посадили на кол.

Здесь автор приносит извинения за то, что должен будет пояснять вещи, относящиеся к inferнальной, то есть адской, сфере.

Кол мог быть любых размеров. Мог быть гладко обструганным, а мог быть и шершавым, с занозами, мог иметь очень острый и не очень острый конец. Мог быть смазанным жиром и, наконец, мог быть либо достаточно тонким, или же толстым.

И если кол был острым, гладким и тонким, да к тому же смазанным жиром, то палач, должным образом повернув жертву, мог сделать так, что кол за несколько мгновений пронзал казнимого и входил ему в сердце. А могло быть и все наоборот – казнь могла затянуться на продолжительное время. И все же то, что здесь было сказано, относилось к колу «турецкому». А был еще и кол «персидский». Последний отличался тем, что рядом с колом с двух сторон аккуратными столбиками были сложены тонкие дощечки, достигавшие почти до конца кола.

Приговоренного сначала подводили к столбу, заводили руки назад и сковывали их наручниками. Потом приподнимали и сажали на кол, но кол входил неглубоко, и тогда через несколько минут палачи убирали две верхних дощечки,

после чего кол входил глубже. Так, убирая дощечки одну за другой, палачи опускали жертву все ниже и ниже. Опытные искусники-виртуозы следили при этом, чтобы острое проходило в теле, минуя жизненно важные центры, и не давали казнимому умереть как можно дольше.

По отношению к Глебову преображенские каты сделали все, что только было можно. Его посадили на неструганый персидский кол, а чтобы он не замерз, надели на него шубу, шапку и сапоги. Причем одежду дал им Петр, наблюдавший за казнью Глебова до самого конца. А умер Глебов в шестом часу утра 16 марта, оставаясь живым пятнадцать часов.

Но и после смерти Глебова Петр не уехал. Он велел колесовать и четвертовать всех сообщников его и Евдокии, после чего их, еще трепещущие, тела подняли на специально сооруженный перед тем помост вышиной в три метра и посадили в кружок, поместив в середине скрюченный черный труп Глебова.

Плейер писал, что эта жуткая картина напоминала собеседников, сосредоточенно внимавших сидящему в центре Глебову.

Однако и этого Петру оказалось мало. После смерти Глебова он велел предать своего несчастного соперника анафеме и поминать его рядом с расколуучителями, еретиками и бунтовщиками наивысшей пробы – протопопом Аввакумом, Тимошкой Анкудиновым и Стенькой Разиным.

А Евдокию Федоровну собор священнослужителей при-

говорил к наказанию кнутом. Ее били публично в присутствии всех участников собора и затем отослали в северный Успенский монастырь на Ладогe, а потом в Шлиссельбургскую тюрьму. И все же, пережив и Глебова, и Петра, и смертельно ненавидевших ее Екатерину и Меншикова, которых многие считали главными виновниками ее несчастья, опальная царица умерла на воле, в почете и достатке шестидесяти двух лет от роду.

* * *

А теперь снова вернемся к Алексею с тем, чтобы и проститься с ним.

14 июня царевича привезли из Москвы в Петропавловскую крепость и посадили в Трубецкой бастион. 19 июня его начали пытать и за неделю пытали пять раз, а потом убили. Больной, слабый духом и смертельно напуганный Алексей признавался и в том, чего не было, стараясь, чтобы пытки прекратились как можно скорее. Он даже сознался, что хотел добыть престол вооруженным путем, используя армию императора.

24 июня Верховный суд, состоявший из 127 человек, единогласно постановил предать царевича смерти. А то, каким образом следует его умертвить, суд отдал на усмотрение отца.

Уже после вынесения смертного приговора Петр приехал

в Трубецкой бастион, чтобы еще раз попытать сына.

По одним данным, при последней пытке были Петр, Меншиков и другие сановники. По другим – только Петр и его особо доверенный человек, генерал-аншеф Адам Адамович Вейде.

Немец Вейде начал карьеру в России в первом потешном полку – Преображенском. Он сразу же был замечен Петром и вошел к царю в такое доверие, как никто другой. Вейде сопровождал Петра почти во всех походах и путешествиях. Он был и в обоих походах под Азов, и под Нарвой, где попал в плен к шведам.

В 1710 году его обменяли на шведского генерала Штремберга, а в 1711 году он был уже в Прутском походе, командуя дивизией. В 1714 году Вейде командовал галерой в сражении при Гангуте. На этой галере был и сам Петр, наградивший Вейде орденом Андрея Первозванного.

В 1718 году Вейде стал Президентом Военной коллегии и принял деятельное участие в процессе царевича Алексея, присутствуя при всех его допросах и пытках. Иной раз Вейде был единственным, кроме палачей, кто находился в застенке во время пытки.

Существовала версия, что Вейде присоветовал Петру отравить царевича. Петр согласился, и Вейде заказал аптекарю очень сильный яд. Но тот отказался вручать отраву генералу, а согласился передать ее только самому царю. Вейде привел аптекаря к Петру, и они вместе отнесли яд Алек-

сею, но царевич наотрез отказался принимать снадобье. Тогда они повалили Алексея на пол, оторвали половицу, чтобы кровь могла стекать в подпол, и топором обезглавили его, упавшего в обморок, истощенного мучениями и страхом.

И все же трагедия на этом не окончилась: на авансцене истории появился еще один персонаж – Анна Ивановна Крамер, которой Петр доверял не меньше, чем генералу Вейде.

Анна Ивановна Крамер – дочь купца, члена Нарвского магистрата, – в 1704 году была увезена в Казань, где стала любовницей местного воеводы. Затем воевода перевез ее в Петербург и там ввел в дом генерала Балка – мужа Матрены Ивановны Монс. Однако и здесь Анна Крамер задержалась ненадолго, перейдя в дом фрейлины Гамильтон. Здесь-то и увидел ее Петр, очаровался ею и, чтобы часто видеть Анну и беседовать с нею, определил ее камер-юнгферой Екатерины.

Анна была в особом «кредите» у Петра. Он доверял ей то, чего не мог доверить никому другому. Именно Анна Крамер приехала вместе с Петром и Вейде в Петропавловскую крепость, где одела тело царевича в приличествующий случаю камзол, штаны и башмаки и затем ловко пришила к туловищу его отрубленную голову, искусно замаскировав страшную линию большим галстуком. Но это – лишь одна из версий.

Есть свидетельства, что 26 июня на последнюю трехчасовую пытку приехали Петр, Меншиков и другие сановники, а через семь часов после этого, и именно от пытки, Алексей

умер. Есть свидетельства, что по приказу Петра Алексея удушили подушками четверо офицеров, а руководил всем этим уже известный нам Александр Иванович Румянцев.

Один из самых серьезных исследователей дела Алексея Петровича, академик Н. Г. Устрялов, посвятивший изучению жизни царевича четырнадцать лет непрерывного труда, приводит десять версий его смерти. Наиболее достоверной ему представляется смерть от апоплексического удара (инсульта), наступившего в результате пыток.

Но нельзя полностью игнорировать и другие объяснения произошедшего.

В любом случае, 13 декабря 1718 года Румянцев был пожалован сразу двумя чинами – майора гвардии и генерал-адъютанта, а кроме того, были ему даны две деревни, ранее принадлежавшие сторонникам убитого царевича.

Царского благоволения за особые заслуги была удостоена и Анна Крамер. Она стала фрейлиной Екатерины, а затем и первой дамой при принцессе Наталье Петровне – младшей дочери Петра и Екатерины, скончавшейся, впрочем, сразу же после смерти своего отца. Забегая чуть вперед, скажем, что как только Петра похоронили, Анна Крамер уехала в свою родную Нарву, где и прожила до 1770 года, умерев на семьдесят шестом году.

Желая показать, что смерть Алексея для него ровно ничего не значит, Петр на следующий же день после казни сына пышно отпраздновал девятую годовщину победы под Пол-

тавой. В официальных бумагах все чаще стало появляться имя единственного сына Екатерины, трехлетнего Великого князя Петра Петровича. Родители видели в нем законного наследника престола и радовались тому, что мальчик растет крепким, веселым и разумным. Но судьба решила иначе: после недолгой болезни 25 апреля 1719 года ребенок умер. А на следующий день, на траурной службе по умершему, неосторожно рассмеялся родственник Евдокии Лопухиной Степан Лопухин. Причину произошедшего объясняли тем, что не угасла еще свеча Лопухиных, ибо их семья – царевич Петр Алексеевич, бывший всего на полмесяца старше своего умершего дяди Петра Петровича, был жив и в глазах очень многих имел все права и основания на наследование российского престола.

Разумеется, последовал розыск, и были пытки, но были и выводы – Петр I решил сделать все, чтобы трон не достался ни Лопухиным, ни их родственникам, ни их сторонникам и единомышленникам.

Однако только через три года царь сумел воплотить задуманное в жизнь, издав официальный документ – «Устав о наследии престола», в котором право на трон переходило к любому угодному Петру человеку. Но прежде чем этот «Устав» появился, произошло несколько событий, важнейшими из которых было победоносное окончание войны со Швецией, принятие Петром титула Российского императора, еще одна война – с Персией и наконец коронация Екате-

рины, состоявшаяся 7 мая 1724 года.

Однако за два года до этого весьма важного события произошло еще одно – в Петербург возвратилась племянница Петра, Мекленбургская герцогиня Екатерина Ивановна.

Жизнь Екатерины Ивановны в Мекленбурге и возвращение в Россию

Мы расстались с Екатериной Ивановной в конце 1716 года, когда ее августейший дядя уехал из Шверина в путешествие по Европе.

А герцогская чета осталась в Шверине, где Карл-Леопольд продолжал бесконечную распрю со своими дворянами. Герцог считал их мятежниками и сразу же по отъезде Петра стал слать ему письма, требуя от царя защиты от всех и каждого. Разумеется, Петр не хотел лезть в дела, которых он не знал, и отвечал герцогу, что может вступить за него, если дело герцога будет справедливым.

Этот отказ испортил отношения герцога с царем и косвенно мог отразиться и на его отношениях с супругой, которые несколько не улучшились даже после того, как Екатерина Ивановна 7 декабря 1718 года родила дочь, названную Анной Карловной. (В России, куда мать и дочь приехали в 1722 году, девочку стали звать Анной Леопольдовной, однако об этом – в свое время и на своем месте.)

В апреле 1719 года, когда девочке было всего пять месяцев, Екатерина Ивановна поехала с нею к своей сестре Анне – герцогине Курляндской. Здесь Екатерина Ивановна рассказала сестре о своей горькой жизни и желании вернуться в Россию.

Анна написала об этом их матери – царице Прасковье Федоровне, – и та слезно просила царицу Екатерину Алексеевну заступиться за ее дочь перед государем Петром Алексеевичем.

Петр сообщал племяннице, что во многих письмах он писал Карлу-Леопольду о том, что ему надлежит «не все так делать, как он хочет, но смотря по времени и случаю», и не раз говорил это герцогу во время встреч с ним.

Однако Карл-Леопольд продолжал вести себя по-прежнему с женой и своими подданными: жену он держал в черном теле, и та просила денег и у матери, и у дяди, а подданных герцог бросал в тюрьмы и отнимал по своему произволу их движимое и недвижимое имущество.

Дошло до того, что император вынужден был послать свою «экзекуционную» армию, чтобы защитить мекленбургских дворян от их коронованного деспота. Герцог даже подумывал, бросив Мекленбург, бежать с женой и дочерью в Ригу.

В августе 1722 года в подмосковное село Измайлово приехала к своей матери, Прасковье Федоровне, герцогиня Екатерина Ивановна с четырехлетней дочерью Анной.

В это время Петр и Екатерина двигались к Астрахани, цесаревны Анна и Елизавета Петровны были в Петербурге, Анна Ивановна – в Митаве, а в Москве находился со своей свитой лишь жених четырнадцатилетней цесаревны Анны Петровны – Карл-Фридрих, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Гот-

торпский. Герцогу было 22 года, он был легкомыслен, не очень трудолюбив и весьма склонен к веселому застолью в компании собутыльников, которую называл «Тост-Коллегия».

Екатерина Ивановна сразу же окунулась в старую московскую жизнь, окружив себя карликами и юродивыми, песенниками да плясуньями. Она с самого начала стала живо интересоваться всем происходящим при дворе и вскоре узнала, что намерения царя Петра весьма обстоятельны и свадьба Анны Петровны и Карла-Фридриха непременно должна состояться, но пока неизвестно когда.

Екатерина Ивановна тут же сблизилась с женихом-герцогом и 24 ноября 1722 года пригласила Карла-Фридриха на обед в честь ее именин, а 7 декабря – на день рождения своей четырехлетней дочери Анны. Вслед за тем герцог и Екатерина Ивановна ездили из одного аристократического дома в другой едва ли не ежедневно.

Неизвестно, были ли отношения герцога и Екатерины Ивановны платоническими, однако добрыми они оставались все время.

Теперь же необходимо сказать, что после завершения войны со Швецией, закончившейся подписанием выгоднейшего для России Ништадтского мира, по которому к ней перешла вся Прибалтика и Карелия, Петр издал 5 февраля 1722 года «Устав о наследии престола», по которому наследником мог быть объявлен любой человек, пригодный, по мысли Петра,

к этой должности.

Однако время шло, а кандидата на трон император не называл.

И только через двадцать месяцев – 15 ноября 1723 года – появился Манифест, в котором объявлялось о предстоящей коронации императорской короной Екатерины. И хотя в Манифесте не говорилось, что именно Екатерина становится наследницей престола, все же было ясно, что Петр тем самым делает важный шаг на пути к реализации «Устава о наследии престола» в пользу своей жены.

22 марта 1724 года Петр и Екатерина прибыли в Москву и до начала мая проводили подготовку к этим торжествам. 5 и 6 мая трубачи и литаврщики объявляли на всех улицах и площадях Первопрестольной о том, что 7 мая в Успенском соборе Кремля состоится церемония коронации.

На площади перед императорскими палатами были построены два помоста шириною в 15 футов, крытые красным сукном. Один помост шел от Красного крыльца Грановитой палаты до дверей Успенского собора, другой – от Успенского собора до собора Михаила Архангела.

Сам Успенский собор был изукрашен золотом, серебром, богатыми коврами и семью гербами – Всероссийским, а также шестью гербами царств и княжеств – Киевского, Владимирского, Новгородского, Казанского, Астраханского и Сибирского.

Гербы эти находились над расшитым золотом балдахы-

ном, где стояли два императорских трона – правый для Петра и левый для Екатерины. Рядом с троним императора стоял стол, покрытый парчой, на котором лежали императорские регалии.

Напротив трона были поставлены скамьи для цесаревен, герцогинь Мекленбургской и Курляндской и «Его Королевского Высочества» герцога Голштинского.

По правую сторону алтаря стояли генералы, статские вельможи и придворные дамы, а по левую – знатные иностранцы во главе с послами и посланниками, аккредитованными при русском дворе.

Все приглашенные были одеты в парчу, шелк и бархат и усыпаны множеством бриллиантов.

Церемония коронации началась в 9 часов утра благовестом большого кремлевского колокола. Затем началось парадное шествие. Герцог Голштинский шел в процессии за Петром, поддерживая Екатерину под руку.

Как только началось шествие, тут же ударили все кремлевские колокола, гвардейские полки взяли «на караул», грянули музыка и барабанный бой. Петр и Екатерина взошли на возвышение, и Екатерина села на трон, а император надел ей на голову корону и вручил скипетр. После этого Новгородский митрополит Феодосий помазал лоб императрицы миром и поднес ей державу – золотой шар с крестом.

После этого грянул первый пушечный залп, а когда в Успенском соборе, прослушав и отслужив торжествен-

ную литургию, наступила тишина, грянул второй пушечный залп, а потом с кратким поздравлением вступил Псковский архиепископ Феодосий, перечисливший многие добродетели Екатерины и отметивший ее подвиги, когда она защищала корону и Отечество.

Затем начался пир в Грановитой палате, закончившийся вручением всем гостям памятных золотых медалей в честь прошедшей коронации. Медали эти дарил Меншиков.

В то время когда в Грановитой палате шло пиршество, во дворе Кремля для простолюдинов был поставлен жареный бык, начиненный гусями, курами, утками и индейками, а рядом били два фонтана белого и красного вина.

На следующий день, 8 мая, первым поздравил с коронацией герцог Голштинский, а после него – все иностранные резиденты. Коронационные торжества закончились в ночь с 10 на 11 мая грандиозным праздником, прошедшим на Царицыном лугу, где были все гости, собравшиеся в Кремле 7 мая, и множество кавалеров, дам, военных, дипломатов, богатых купцов, искусных мастеров и ученых. Праздник закончился грандиозным фейерверком, и на том коронационные торжества прекратились.

По мнению иностранных дипломатов, совпадавшему, впрочем, с мнением иерархов русской православной церкви, главное в церемонии коронации Екатерины было именно миропомазание, поскольку персона, прошедшая через такой обряд, считается помазанником или помазанницей Божьей.

Этот обряд совершался, как правило, только при венчании на царство монарха, самодержца, а таковым 7 мая, в день коронации, был сам Петр.

Именно поэтому совершенный над Екатериной обряд помазания все присутствующие в Успенском соборе сочли в высшей степени значительным и знаменательным.

Французский посол Кампредон особо отметил: «Над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти императора, своего супруга». Особо отмечалось также и то, что императорскую корону на голову Екатерины возложил сам Петр.

Помолвка Анны Петровны и Карла-Фридриха

Прошло полгода, и снова царская семья оказалась в центре всеобщего внимания: в начале зимы 1724 года сановный и родовитый Санкт-Петербург стал жить другой новостью – 22 ноября был подписан брачный контракт между Голштинским герцогом Карлом и великой княжной Анной Петровной, а еще через несколько дней состоялось и их обручение.

Невесте было шестнадцать лет, жених был восемью годами старше ее. Анна Петровна была второй дочерью Петра и Екатерины и сразу же после венчания царя и царицы вместе с младшей сестрой своей Елизаветой стала иметь собственный маленький двор, соответствующий придворный штат и особую прислугу, какая полагалась великим князьям.

Восьми лет Анна уже сама писала письма матери и отцу, с этого же возраста у девочек появилась воспитательница – итальянская графиня Марианна Маньяни, учитель немецкого языка Глюк, французского – виконтесса Латур-Лануа, в результате занятий с которыми и Анна, и сестра ее хорошо изучили три языка – французский, немецкий и итальянский. А так как вокруг девочек оказалось немало слуг – уроженцев Ингерманландии, знавших шведский язык, то они научились и шведскому языку. Кроме того, девочек учили танцам, и в них они преуспели еще более, чем в языках.

Когда Анне пошел четырнадцатый год, 17 марта 1721 года, в Ригу приехал племянник тогда уже покойного шведского короля Карла XII, герцог Голштинский-Готторпский Карл-Фридрих.

В это время Петр и Екатерина были в Риге. Герцог сразу понравился царю, и после долгих переговоров, продолжавшихся с перерывами более двух лет, было решено готовиться к заключению брака Карла-Фридриха с Анной Петровной, потому что царь имел в отношении герцога далеко идущие планы – добиться для своего будущего зятя престола Швеции.

27 июня 1721 года герцог приехал в Петербург. Он надеялся с помощью Петра как минимум возвратить под свою власть отобранный у него датчанами Шлезвиг. Однако Ништадтский мир, подписанный 30 августа того же года, одной из своих статей предусматривал невмешательство России во внутренние дела Швеции, а проблема наследования трона признавалась внутренним делом того или иного государства.

А внутреннее положение в Швеции во время подписания Ништадтского мира было достаточно сложным. 11 декабря 1718 года умер Карл XII, и престол ненадолго перешел к последней представительнице династии Пфальц-Цвайбрюккен, к которой принадлежал и Карл XII, королеве Ульрике-Элеоноре.

Она пробыла на троне чуть больше года. После смерти

Карла XII в Швеции усилилась власть аристократии и высшей бюрократии, широко распространились анархия, коррупция, вместе с упадком внешним наступил и упадок внутренний. Престол в 1720 году перешел к избранному шведской аристократической олигархией Фридриху I Гессенскому. В этих обстоятельствах герцогу Голштинскому лучше всего было оставаться в России и добиваться руки Великой княжны Анны Петровны. Анна в свои 13 лет выглядела гораздо старше: все современники отмечают, что она производила впечатление вполне сформировавшейся женщины и отличалась необычайной красотой. В отца была она высокого роста, а нежная белая кожа, очаровательная улыбка и классические пропорции фигуры делали Анну совершенно неотразимой девушкой.

Карл-Фридрих, ставя перед собою прежде всего цель политическую, в то же время страстно влюбился в Анну и изо всех сил стал добиваться ее руки.

Его старания увенчались успехом лишь через три года: 22 ноября 1724 года был наконец подписан брачный контракт.

Петр не выдал бы Анну замуж, если бы она была равнодушна к герцогу, потому что царь души не чаял в своей дочери. Он буквально боготворил ее и никогда бы не пошел против ее воли.

По брачному контракту и Анна, и герцог отказывались от прав и притязаний на российский престол не только от своего имени, но и от имени своих потомков, однако обязыва-

лись беспрекословно и немедленно выполнить волю Петра, если он призовет на российский трон кого-либо из рожденных ими детей.

Подписание брачного контракта сопровождалось, как обычно, балами, фейерверками и обедами в домах знати. Эти торжества омрачались тем, что Петр редко бывал на обедах до конца, — он стал недужить уже летом и часто ложился в постель, чего раньше с ним почти никогда не случалось.

Болезнь и смерть императора Петра I

21 ноября Петр первым в столице переехал по льду через Неву, вставшую лишь накануне. Эта его выходка показала настолько опасной, что начальник береговой стражи Ганс Юрген хотел даже арестовать нарушителя, но император проскакал мимо него на большой скорости и не обратил внимания на его угрозы.

20 декабря он участвовал в грандиозной попойке, устроенной по случаю избрания нового «князь-папы Всеппянейшего собора», а январь 1725 года начал особенно бурно, отгуляв на свадьбе своего денщика Василия Поспелова и на двух ассамблеях – у графа Толстого и вице-адмирала Корнелия Крюйса.

Особенно же поразил всех больной император, когда 6 января, в мороз, прошел во главе Преображенского полка маршем по берегу Невы, затем спустился на лед и стоял в течение всей церковной службы, пока святили Иордань, прорубь, вырубленную во льду. Все это привело к тому, что Петр сильно простудился, слег в постель и с 17 января стал испытывать страшные мучения. Эта болезнь оказалась последней в его жизни.

О диагнозе смертельной болезни Петра существует несколько версий. Французский посол в России Кампредон сообщал в Париж: царь «призвал к себе одного итальян-

ского доктора, приятеля моего (доктора Азарити – *В. Б.*), с которым пожелал посоветоваться наедине». Далее Кампредон писал, что, со слов Азарити, «задержание мочи является следствием застарелой венерической болезни, от которой в мочевом канале образовалось несколько небольших язв».

Лечившие Петра врачи-немцы братья Блюментросты были против хирургического вмешательства, а когда хирург-англичанин Горн операцию все же провел, то было уже поздно и у Петра вскоре начался «антонов огонь», как в то время на Руси называли гангрену. Последовали судороги, сменявшиеся бредом и глубокими обмороками. Последние десять суток если больной и приходил в сознание, то страшно кричал, ибо мучения его были ужасными.

В краткие минуты облегчения Петр готовился к смерти и за последнюю неделю трижды причащался. Он велел выпустить из тюрьмы всех должников и покрыть их долги из своих сумм, приказал выпустить всех заключенных, кроме убийц и государственных преступников, и просил служить молебны о нем во всех церквях, не исключая и иноверческих храмов.

Екатерина сидела у его постели, не покидая умирающего ни на минуту. Петр умер 28 января 1725 года в начале шестого утра. Екатерина сама закрыла ему рот и глаза и, сделав это, вышла из маленькой комнатки-кабинета, или «конторки», как ее называли, в соседний зал, где ее ждали, чтобы провозгласить преемницей Петра.

Относительно диагноза последней болезни Петра мнения расходятся. Автор фундаментального труда «История медицины в России» В. Рихтер считал, что Петр умер из-за воспаления, вызванного задержанием мочи, не говоря о том, что было причиной воспаления. Другой видный историк медицины, Н. Куприянов, полагал, что смерть Петра наступила от воспаления мочевого пузыря, перешедшего в гангрену, и от задержания урины. И, наконец, небезынтересно и заключение, сделанное в 1970 году группой московских венерологов, изучавших все сохранившиеся документальные свидетельства о болезни и смерти Петра. Профессора Н. С. Сметлов, А. А. Студницын, доктор медицинских наук Т. В. Васильева и кандидат медицинских наук О. И. Никонова пришли к заключению, что Петр «по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы или мочевого пузыря или мочекаменной болезнью», что и оказалось причиной его смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.